



**НИКОЛАЙ
ЧУКОВСКИЙ**

**МОРСКОЙ
ОХОТНИК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Николай Корнеевич Чуковский

Морской охотник

Об авторе этой книги

Автор этой книги Николай Корнеевич Чуковский родился в 1904 году.

С самых ранних лет он обладал сильным и ярким воображением. В Финляндии, где прошло его детство, семи-восьмилетним мальчиком он убегал на берег залива и там, прыгая с валуна на валун, громко рассказывал самому себе разные фантастические истории. Любимым другом его был в то время глобус, с которым он почти никогда не расставался. Ещё в юном возрасте он мог по памяти нарисовать карту мира.

Читатель он был редкостный. Он никогда не «глотал» книгу, а медленно и внимательно вникал в содержание, вдумчиво следил за ходом сложного развития мысли.

Все знавшие Николая Корнеевича отмечали его разностороннюю образованность. Никогда он не щеголял ею. Но с пчеловодом он мог говорить о пчёлах, с геологом — о геологии, с ботаником — о растениях.

Поэзию он любил страстно и до конца своих дней занимался переводами стихов. Переводил он также и прозу.

В Великую Отечественную войну Николай Корнеевич был и в осаждённом Ленинграде, и бок о бок с морскими лётчиками, деля с ними трудности и радость, поражения и

победы. Их мужество, чувство ответственности за жизнь товарищей неизменно вызывали его восхищение.

С любовью изображает он полную опасностей повседневную работу лётчиков в широко известном романе «Балтийское небо», в «Аэродромных рассказах». Трагическим месяцам блокады Ленинграда посвятил он рассказ «Девочка-жизнь», воспоминание «В осаде», значительную часть романа «Балтийское небо»... Эти мудрые, добрые книги пользуются большим спросом читателей.

Николай Корнеевич Чуковский скончался в 1965 году.

Книга «Морской охотник» написана для детей. Может быть, и тебя, дорогой читатель, так же манят к себе тайны, их разгадки, как манили они девочку Катю, о которой рассказано в этой книжке? Прочти эту книгу, и ты узнаешь, как смелая и находчивая Катя узнала важную тайну, как сумела сохранить её, как совершила героический поступок во время Великой Отечественной войны.

А свой отзыв об этой книге пришли нам по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

РАНЕННЫЙ МАТРОС

Жила-была девочка Катя.

Но прежде нужно рассказать о девочке Лиде, ее лучшей подруге. Лида жила вместе со своей мамой Марьей Васильевной и маленьким братом Петей. Жили они в городе на берегу моря.

Описать этот город очень трудно, потому что была ночь, а южной летней ночью ничего не видно. В полной тьме раздавался однообразный грохот — это тяжелые морские волны били в береговые утесы. Ни одно окно не светилось: шла война, и враг вот уж пять месяцев стоял под самым городом, и на всех окнах были плотно закрыты ставни. Только изредка на северо-западе, где пролегал фронт, небо озарялось внезапной вспышкой артиллерийского выстрела, и при свете ее на мгновение выступали из тьмы пустые улочки, круто сбегавшие к морю.

По одной из этих улочек шел человек.

Он шел очень медленно, придерживаясь рукой за каменные ограды садов, за стены домов. Каждый шаг был ему мучительно труден, дыхание с хрипом и свистом вырывалось из его горла. Он был тяжело ранен в грудь, но помнил, что ему надо идти, и упорно шел все вниз да вниз, туда, где невидимый во мраке мол врезался в море.

Боли он почти не чувствовал, ему только хотелось пить. Ему нестерпимо хотелось пить, и он думал, что если сейчас не напьется, он никогда не дойдет до мола. Рука его нечаянно коснулась деревянной калитки. И он решил войти в калитку, отыскать дверь, постучать и попросить воды. Он шагнул за калитку и вдруг упал. Он упал на спину. Над ним были большие, яркие звезды южной ночи. Но он не видел этих звезд, потому что потерял сознание.

А звезды медленно двигались. Потом взошла луна, ущербная — узенький серп. Потом побледнела луна и побледнели звезды. Солнечный свет вспыхнул на вершинах гор. И при свете утра стало видно, что раненый лежит на дворе перед маленьким домиком.

В маленьком домике первым проснулся Петя. В комнате было темно, но сквозь узенькие щелки ставен уже лился малиновый солнечный свет. Лида и Марья Васильевна еще спали. Петя зашевелился у себя на сундучке и прежде всего нащупал рядом на стуле свою рогатку — здесь ли она. Потом, с рогаткой в руке, сел и осмотрел комнату.

Пол комнаты был уставлен корзинами, тюками, чемоданами, и Петя сразу вспомнил, что сегодня они уезжают. Марья Васильевна боялась оставаться с детьми в городе под обстрелом и боялась ехать неизвестно куда, в чужие края, и долго плакала, решившись на отъезд. Но Петя ждал отъезда с нетерпением — не потому, что боялся снарядов, а потому, что они поедут до: станции на машине.

Вспомнив, что сегодня за ними заедет машина, он слез с сундучка и надел штаны. Может быть, машина уже стоит во дворе? С рогаткой в руке Петя открыл дверь и вышел на двор.

Машины на дворе не было. Были одни только заросли чертополоха, казавшиеся Пете высокими, как лес. Петя пошел по тропинке — посмотреть, нет ли машины за калиткой. И вдруг увидел человека, который лежал на спине, подмяв под себя поломанные стебли

чертополоха. Он лежал на спине, и ноги его в черных широких брюках были странно раскинуты... Матрос... Петя сразу заметил его сбившийся в сторону голубой воротник. Матрос лежал неподвижно. Петя остановился и долго смотрел на него. Потом подошел к матросу, склонился над ним и заглянул ему в лицо.

Лицо было молодое, смуглое, крепкое; брови — густые и черные; бледные губы сжаты, глаза закрыты. Петя подумал, что человек этот спит. Он подождал немного, не откроются ли глаза. Но глаза не открылись. Тогда Петя присел на корточки и осторожно ткнул его рогаткой в щеку.

Матрос не двинулся, глаза по прежнему были закрыты. Пете вдруг стало страшно. С громким криком вбежал он в дом.

Лида уже встала и одевалась. Марья Васильевна вскочила с постели. Сначала они обе подумали, что с Петей что-то случилось. Но, видя, что он цел, выскочили во двор.

— Ох! — сказала Марья Васильевна.

Она была полная пугливая женщина и всегда охала, когда что-нибудь поражало ее. Она сразу опустилась рядом с раненым на колени и взяла его за руку.

— Что с вами? — спросила она. — Встаньте, пожалуйста, попробуйте встать...

Но матрос не шевельнулся.

Тогда она осторожно взяла его за плечи, чтобы посадить, но пальцы ее попали во что-то липкое, и она сразу отдернула руки.

— Ох, — проговорила она испуганно, — кровь!

И вдруг закричала на Лиду:

— Что же ты стоишь? Его отнести надо!

Лида взяла матроса за ноги, Марья Васильевна — за плечи. Они подняли его и понесли в дом. Голова его повисла. Он показался Лиде ужасно тяжелым: у нее подгибались колени, когда она несла его. Петя подобрал бескозырку, валявшуюся в чертополохе, и понес ее, осторожно держа край.

Когда раненого положили на кровать Марьи Васильевны, он вдруг застонал и открыл глаза. Губы его слегка шевельнулись. Марья Васильевна нагнулась к его лицу и услышала:

— Воды...

Раненый пил долго, медленно. Потом вдруг посмотрел внимательно на Марию Васильевну и сказал:

— Передайте Королькову: когда свет горит, она в бухте...

— Что? Что?

Но он уже закрыл глаза.

— Что это он говорит, мама? — спросила Лида.

— Это Он так... бредит... — сказала Марья Васильевна. — Поддай мне бинт, я сделаю ему перевязку.

В САДУ ДРАКОНДИДИ

В этом городе жила-была девочка Катя.

Удивительная девочка. Конечно, все думали, что она самая обыкновенная девочка, и одна только Лида знала, что она удивительная.

До войны Катя с отцом и матерью жила на другом берегу, у самого моря, — там, где теперь были немцы. Когда началась война, отец ее ушел на фронт, а она с матерью переехала сюда, в город. Мать ее поступила на службу в военную прачечную, стирала белье бойцам и была весь день занята, а Катя стала учиться в той школе, где училась Лида.

И они подружились.

Особенно много времени стали они проводить вместе, когда занятия в школе кончились. Они бродили вдвоем по опустевшему, полуразрушенному городу. Катя рассказывала, а Лида слушала. Чаще всего рассказывала Катя про море и корабли. И всегда в ее рассказе была какая-нибудь тайна, потому что больше всего на свете Кате нравились рассказы с тайнами.

Лида очень любила Катю и не хотела уезжать, пока Катя оставалась в городе. Она даже говорила об этом вчера со своей мамой, Марьей Васильевной, но Марья Васильевна только рассердилась и сказала:

— Не пропадать же нам всем из-за твоей Кати!

Когда у себя на дворе они нашли раненого матроса, Лида захотела сразу же рассказать о нем Кате. Но только после обеда ей удалось уйти из дому.

Марья Васильевна не любила отпускать Лиду. Она говорила, что при каждом выстреле умирает от страха за детей, если они не с нею. Кроме того, Лида обязана была смотреть за Петей.

Но после обеда Петя, к счастью, уснул у себя на сундучке и обстрела не было. Сказав матери: «Я сейчас», Лида торопливо выскочила за калитку, чтобы Марья Васильевна не успела передумать и задержать ее. Быстро побежала она по улице, поглядывая на море, блестящее за стволами тополей и каштанов.

В этом городе море было видно отовсюду — из всех окон, из всех садов, со всех балконов, крылечек, мостовых. Весь город был расположен на крутом склоне, спускавшемся к морю. Морской ветер, легкий, соленый и теплый, шевелил пыльные листья деревьев и кустов, шуршал желтой, выжженной солнцем травой. По извилистым улицам, бегущим вверх и вниз, с бешеной скоростью неслись к фронту зеленые военные грузовики. Многие из домов были разрушены снарядами — они стояли с пустыми впадинами окон, вырванными дверями, без крыш, и склон, покрытый этими развалинами, был издали похож на соты.

Особенно сильно разрушена была нижняя часть города, у берега, возле мола. Этот мол тоже был виден отовсюду — светлой узкой полоской далеко врезался он в море. Об него разбивались волны, и белая пена кипела вокруг. Когда-то под защитой этого мола стояло много судов, больших и маленьких. Но теперь там было пусто. И все море, насколько мог видеть глаз, было пустынно, вплоть до далеких синих гор противоположного берега залива, еле видных и похожих на облака. Там, на том берегу, теперь были немцы.

Лида обыкновенно встречалась с Катей в большом саду за домом сапожника Дракондиди.

Белый домик сапожника Дракондиди стоял на главной улице и был известен всем в городе по большому жестяному сапогу, висевшему над дверью вместо вывески. Теперь сам Дракондиди был на фронте, жена его с детьми — давно в отъезде, домик разбит снарядом, и только сапог висел по прежнему над вышибленной дверью. А сад за домом, всеми забытый и заброшенный, разросся густо и дико.

Под жестяным сапогом Лида остановилась и осторожно оглянулась... Этого требовала Катя: так входить в дом Дракондиди, чтобы никто не видел. Конечно, никто не стал бы им мешать ходить сюда, и никому не было дела, куда они ходят. Но Кате нравились тайны. Такая уж она была девочка. Она все вокруг себя превращала в тайны. Сад Дракондиди тоже был ее тайной, и входить в него можно было только тогда, когда никто не видит.

Главная улица была пуста, и Лида нырнула в дверь. Крыша с домика была сорвана, и вверху голубело высокое небо. Птичка, испуганная Лидой, метнулась, вылетела через пролом крыши и исчезла в вышине. Пройдя сквозь домик, Лида нырнула в сад, и он охватил ее со всех сторон тенистой, густой листвой. Все тропинки успели зарости. Лида шла осторожно, раздвигая руками колючие ветки. Море виднелось в просветах между листвой.

Лида нашла Катю на большом камне, вывалившемся из разбитой стены. С камня было видно все море, от края до края. Катя, черненькая, худенькая, стояла на камне и смотрела в море не отрываясь, не шевелясь. Когда Лида подошла к ней, она даже не повернула головы.

— Это ты? — спросила она спокойно. — А я думала, ты уехала.

И Лида, задыхаясь от волнения, рассказала, как утром у себя на дворе они нашли раненого матроса, как он только на мгновение пришел в себя, а потом опять впал в беспамятство, и как он лежит сейчас на кровати у Марьи Васильевны.

— Ему плохо, очень плохо, так плохо, что доктор даже не позволил его нести в госпиталь. Понимаешь, его нельзя шевелить, нельзя трогать. За нами заехала машина, чтобы везти нас на станцию, но как же оставить его одного в пустом доме? Мама сказала, что мы не поедem.

Катя молчала, не проявляя ни любопытства, ни удивления. Она по прежнему смотрела в море. Казалось, она даже не слушала. Но Лида знала, что Катя не любит ничему удивляться. Такое уж было у Кати правило — никогда не показывать, что она взволнована или удивлена. Она только равнодушно спросила:

— Он с вами разговаривал?

— Нет. Он бредил.

— Бредил?

— Бормотал что-то совсем бессвязно. Я ничего не могла разобрать.

— Ну хоть что-нибудь ты запомнила?

— Несколько слов.

— Несколько слов? Что же он сказал?

— «Передайте Королькову: когда свет горит, она в бухте». Видишь, это тоже сказано в бреду и тоже непонятно.

— Ага.

И Катя замолчала, внимательно глядя в море.

МОРСКОЙ ОХОТНИК

Лида поняла, что нужно заговорить о другом. Тогда Катя сама начнет расспрашивать о раненом матросе.

И спросила:

— Что ты там видишь?

— Катер.

Лида напряженно вглядывалась в морскую Даль, туда, куда смотрела Катя, но ничего там не видела, кроме узкой белой полосочки, быстро передвигавшейся. И только сейчас она поняла, что эта полосочка — пенистый след крохотного суденышка, которое стремительно мчится там, вдалеке.

— Ну и глаза у тебя! — сказала Лида.

— Обыкновенные глаза, — ответила Катя. — Я просто приучила их смотреть на море. Если приучить свои глаза, будешь видеть на море все.

— Когда же ты приучила свои глаза?

— Когда командовала крейсером «Победитель».

— Ты командовала крейсером «Победитель»?

— Да. Когда я жила там, на том берегу.

И Катя показала на далекие горы противоположного берега, словно висевшие в воздухе. Все самое необычайное, что Катя рассказывала Лиде, происходило с ней, по ее словам, когда она жила на том берегу.

— Этот крейсер был ненастоящий? — спросила Лида робко.

— Конечно, ненастоящий, — сказала Катя. — Это было одно такое место, которое я называла крейсером «Победитель». Про это место никто не знал, кроме меня.

— Какое же это было место?

— Пещера.

— Пещера?

— Ну да. Я полезла в горы над морем и вдруг открыла пещеру. Перед входом в эту пещеру — выступ вроде каменной площадки, и висит он прямо над морем. Если смотришь оттуда вниз, ничего, кроме воды, не видишь. Кажется, будто стоишь на мостике огромного корабля и плывешь, плывешь... Это и был мой крейсер. В пещере я устроила капитанскую каюту, принесла туда компас, карты — они, наверно, и до сих пор там. Оттуда, с мостика моего крейсера, я смотрела в море и вот научилась...

— Теперь я тоже хорошо вижу катер, — сказала Лида. — Он идет сюда.

Действительно, катер приближался, увеличиваясь. Два белых бурунчика справа и слева от

него сияли на солнце.

— Я все типы катеров знаю, — сказала Катя. — Это морской охотник.

— А за кем он охотится?

— За подводными лодками.

Теперь катер был отчетливо виден: голубой, с двумя тонкими радиомачтами, с флагом на корме. Он несся так быстро, что, казалось, вот-вот выскочит из воды. Курс он держал прямо на самый конец мола.

— Сейчас немцы начнут стрелять, — сказала Катя. — Они всегда открывают огонь, когда какое-нибудь судно подходит к молу.

И едва она произнесла эти слова, как раздался сначала отдаленный выстрел, потом протяжный и противный вой летящего снаряда и грохот взрыва. Снаряд упал в море перед городом, подняв столб ослепительно белой пены, смешанной с бурым дымом.

На катере, казалось, ничего даже не заметили. Но опять выстрел, опять вой, опять грохот взрыва — и возник новый столб пены и дыма, гораздо ближе к катеру. Катер словно подскочил — так он рванулся вперед. Он теперь шел самым полным ходом. Но третий снаряд разорвался еще ближе.

Катер круто свернул вправо. Немцы перенесли огонь правее. Катер свернул влево.

Так он несся зигзагом, кидаясь то вправо, то влево, среди все новых столбов пены и дыма.

Увлекательно и жутко было следить за этой игрой в пятнашки со снарядами. Когда снаряд взрывался близко от катера, Лида хватала Катю за руку. Когда снаряд разрывался от катера далеко, они обе смеялись. Кидаясь из стороны в сторону, катер упорно приближался к берегу, к молу. Снаряды тоже стали ложиться ближе к берегу, а один разорвался даже на самом берегу, оглушительно прогрохотав и взметнув высокий столб пыли. Лида сразу вспомнила о маме.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Постой.

— Нет, мама будет беспокоиться.

— Твоя мама всегда беспокоится, — сказала Катя насмешливо. — Она, говорят, сама называет себя трусихой.

— Да, она не скрывает.

— Всем известно, что когда ты ходила купаться, она привязывала к твоей ноге веревочку, сидела на берегу и держалась за эту веревочку, чтобы ты не потонула.

— Ну, это давно было, — сказала Лида.

— Она и сейчас такая же... погоди, чуть катер подойдет к молу, немцы не будут его видеть и перестанут стрелять.

И действительно, едва катер зашел за мол, обстрел разом прекратился. В наступившей тишине снова стали слышны шелест листьев, треск кузнечиков в траве, мерный гул прибоя, и все эти звуки после грохота, свиста и воя показались особенно милыми.

— Все-таки пойду, — повторила Лида. — Я обещала маме.

— Постой. Я хотела спросить тебя... — сказала Катя. — О чем это я хотела тебя спросить?

Она сделала вид, будто забыла, о чем хотела спросить, и задумалась. Лида молча ждала.

— Да-да... Так что вам сказал раненый матрос? — спросила Катя.

«Наконец-то! Значит, рассказ о раненом матросе она все-таки запомнила».

НАДО ПЕРЕДАТЬ КОРОЛЬКОВУ

— «Передайте Королькову: когда свет горит, она в бухте», — повторила Лида.

— Замечательно! Тут вся его тайна.

Лида засмеялась.

— Почему, пока ты не поступила к нам в школу, я никаких тайн не видела, а теперь, когда я с тобой подружилась, все тайны да тайны?

— Ты не видела, потому что видеть не умеешь, а я сразу чувствую тайну, — сказала Катя. — Кто такой Корольков?

— Не знаю.

— А какой свет горит?

— Не знаю.

— А кто «она»?

— Не знаю.

— А что за бухта?

— Откуда я могу знать!

— Видишь, сколько здесь тайн, — сказала Катя.

— А ты отгадала хоть одну? — спросила Лида.

Ей уже самой стало казаться, что вдруг в этих словах и вправду есть тайны.

— Пока не отгадала, — ответила Катя откровенно. — Но знаю, с чего начать.

— С чего начать?

— Начать надо с Королькова. Прежде всего надо узнать, кто такой Корольков. Надо найти Королькова и передать ему. И Корольков все поймет.

— Как же ты найдешь Королькова?

— Увидим.

Больше Катя ничего не сказала. И Лида ушла домой.

ДЕВОЧКА С МИШКОЙ

По правде сказать, у Кати не было никакого плана, как и где искать Королькова. Никогда прежде не слышала она о человеке с такой фамилией. И хотя загадочные олова, сказанные раненым матросом, глубоко взволновали ее, она вовсе не сразу побежала искать этого таинственного Королькова, потому что сегодня ее мысли были заняты совсем другим. Сегодня она должна была во что бы то ни стало выяснить, кто такая девочка с мишкой.

«Девочкой с мишкой» называла она про себя одну совсем незнакомую девочку, которую заметила во время своих путешествий по городу. Эта странная девочка жила совсем одна, без взрослых, в маленьком чистеньком домике и постоянно громко разговаривала со своим плюшевым мишкой.

Катя не раз следила через ограду с улицы, как она ходит по открытой веранде своего домика, поглядывает на море и разговаривает с мишкой, как будто мишка это человек. На вид ей было столько же лет, сколько и Кате. А это слишком мало для того, чтобы жить одной, и слишком много для того, чтобы играть с плюшевым мишкой.

В общем, это была довольно хорошенькая девочка и, главное, очень опрятная: белое платье всегда чистое, выглаженное, туфли начищены. Кате очень хотелось узнать: неужели она сама себе стирает, сама готовит, сама следит за порядком в этом домике? Катя подолгу стояла на улице и смотрела, не появится ли из домика мама девочки или тетя. Но ни мама, ни тетя не появлялись. Девочка жила одна. И разговаривала только со своим мишкой.

Кате с улицы никогда не удавалось расслышать ни одного слова. И давно уже ей хотелось узнать, о чем девочка говорит со своим мишкой, кто она такая, почему она всегда одна. Катя мечтала познакомиться с ней, может быть, даже подружиться. Она все откладывала знакомство — от застенчивости: Катя, по правде говоря, была очень застенчива, хотя не признавалась в этом даже себе самой. Но сегодня она решила познакомиться с этой девочкой непременно.

Едва Лида ушла, Катя отправилась в путь. Горячие камни обжигали ей голые пятки, и она подпрыгивала на каждом шагу. В этом городе очень трудно ходить босиком — такое в нем все колючее и горячее. Пыль нагревается до того, что в ней можно испечь картошку. Все улицы и дорожки усыпаны маленькими камешками, острыми, как гвозди. Все растения, даже те, на которых распускаются самые красивые цветы, покрыты шипами. Но Катя ходила босиком почти круглый год. В глубине души она даже немного презирала девочек вроде Лиды, которые носили туфли. На пятках у Кати кожа была толстая и жесткая, как у бегемота или слона. И все-таки накаленные камни обжигали ей ноги.

Дом девочки с мишкой стоял на краю города, и идти туда было бы далеко, если бы Катя пошла по улицам. Но обстрелы и бомбежки, разрушив многие дома и ограды, проложили в городе совсем новые пути и проходы, и все эти пути и проходы были известны Кате. Нырнув в груды развалин, она полезла напрямик, все вверх и вверх по склону, усыпанному обломками камня, известкой, битым стеклом. Колючие мячики чертополоха со всех сторон прилипали к Катиному платью. Здесь не было не только людей, но даже птиц, никого, кроме маленьких ящериц, которые грелись на камнях и поглядывали на Катю крохотными бусинками глаз.

Когда пустырь кончился и Катя снова вышла на улицу, она сразу оказалась в верхней части города, и сад Дракондиди зеленел далеко внизу. По улице, кроме Кати, шел один человек.

Он шел впереди, и Катя видела его спину. Это был военный моряк, невысокий, но коренастый и плотный. На погонах его блестели золотые полоски. В левой руке нес он что-то, завернутое в полотенце или в салфетку.

Катя решила, что это безусловно моряк с того катера, который они видели с Лидой. Никаких других судов у мола не было. Зачем этот моряк зашел так далеко от мола? Любопытно бы узнать, куда он идет. Но Катя свернула в ворота разрушенного санатория — так было ближе — и потеряла моряка из виду.

Она прошла мимо здания санатория, белые колонны которого, когда-то подпиравшие крышу, теперь торчали прямо в небо, как большие пальцы, прошла через парк, снова вышла на улицу и оказалась как раз против домика девочки с мишкой.

Домик этот стоял в саду, а сад был обнесен невысокой каменной оградой. Ветви роз, буйно разросшихся, с большими мохнатыми цветами, свешивались через ограду на улицу. Шагах в двадцати от калитки улица горбилась, и там, на горбу, было то место, откуда Катя могла видеть, что делается за оградой.

Та девочка была у себя на веранде, оплетенной кудрявыми побегами винограда; в просветы между Широкими листьями Катя хорошо ее видела. Она была одна, если, конечно, не считать мишки. Мишка, большой, кое-где потертый, сидел в соломенном кресле, выставив вперед все четыре лапы. Девочка стояла возле стола, и руки ее быстро двигались. Она набивала машинкой папиросы. Три большие коробки стояли перед нею: из одной она брала табак, из другой — гильзу, а в третью клала готовую папиросу.

Работая, она разговаривала с мишкой. Катя слышала ее голос, но слов разобрать не могла. Катя подошла к ограде сада. Но и отсюда слов расслышать было невозможно. Оглянувшись и убедившись, что улица пуста, Катя влезла на ограду. Она уже стояла на ограде, когда ей пришло в голову, что, пожалуй, приличнее войти в калитку. Но было уже поздно. Девочка каждую минуту могла заметить ее на ограде. Катя прыгнула в сад, в кусты роз, и, смущенная, притаилась.

— Вот видишь, Миша, мой папа вернется! — говорила девочка мишке, и теперь Катя слышала каждое слово. — Он подымет на горку и крикнет еще оттуда, с дороги: «Маня!» А я крикну. «Папочка вернулся!» — и побегу к нему навстречу.

«Ага, ее зовут Маня», — подумала Катя.

— Потом он придет сюда, на веранду, — продолжала Маня, — снимет китель, наденет халат, сядет в это кресло и начнет мне рассказывать про свой катер. Я скажу: «Смотри, папа, сколько папирос я тебе приготовила». Каждый день я набиваю для него тридцать папирос. Но никогда еще у меня не было готово к его возвращению столько папирос, как сейчас. В эту коробку входит тысяча штук, и она уже почти полная... Что ты так глядишь на меня, Миша?

Она внимательно посмотрела в мишкины круглые, пуговичные глаза.

— Нехорошо так глядеть на меня, Миша, — продолжала она с укором. — Ты не веришь, что он вернется? Нет-нет, я по глазам твоим вижу: ты не веришь. Ты думаешь, он погиб во время десанта, вон там, на том берегу.

Она махнула рукой в ту сторону, где за морем лежал еле видный берег, захваченный немцами.

— Не спорь, Миша, не спорь, ты так думаешь! — продолжала она с негодованием. — Ты наслушался разговоров. Ты слышал, что папин катер высадил ночью десант на том берегу, чтобы уничтожить немецкую береговую батарею. И батарею они уничтожили и все вернулись

на катер, кроме папы и матроса Казаченко. И что стало с папой, неизвестно, потому что бой шел в темноте и никто из вернувшихся папы не видел. И с тех пор прошел месяц, а папа все еще не вернулся. И ты думаешь, что он не вернется никогда... — Она с глубоким презрением смотрела на своего мишку. — А мне все равно, что ты думаешь, — сказала она. — Ты просто мешок с опилками, и я с тобой разговариваю только потому, что всегда одна. Надо же с кем-нибудь разговаривать... Неправда, мой папа вернется! — воскликнула она громко. — И я буду ждать его и буду каждый день набивать для него папиросы, хотя бы сто коробок были полны папиросами до самого верха!..

Она отвернулась от мишки, и только пальцы ее быстро работали. И Кате вдруг захотелось подойти к ней и сказать что-нибудь ласковое. Неловко, конечно, вылезти прямо так, из кустов, и показать, что она подслушивала. Но ничего другого не оставалось, и Катя даже протянула руки, чтобы раздвинуть кусты, как вдруг кто-то осторожно постучал в калитку.

Катя сразу замерла.

ТВОЙ ПАПА ВЕРНЕТСЯ!

За калиткой стоял тот самый моряк с кульком подмышкой, которого она недавно видела на улице. Он, вероятно, не знал короткого пути через санаторий и добрался сюда только сейчас.

Теперь Катя могла рассмотреть его лицо. Это был пожилой уже человек, с полуседыми усами, как у моржа, с загорелым лицом, словно вырезанным из дерева, по которому расползлись морщины, похожие на лучинки.

— Макар Макарыч пришел! — крикнула Маня и побежала к калитке. — Как ваше здоровье, Макар Макарыч?

Моряк вошел, как-то неловко держа кулек своей большой ручищей, и остановился, смущенно переступая с ноги на ногу.

— С моим здоровьем ничего не сделается, — сказал он. — Я старый краб, меня море просолило. Я такой соленый, что и после смерти сто лет пролежу, не испорчусь.

— Отчего вы так долго не приходили?

— Мы пять ночей дежурили у Песчаной Косы. Сторожили немецкую подводную лодку.

Катя, как и все в городе, хорошо знала длинный, узкий мыс, который называли Песчаной Косой. Он начинался километрах в пяти от города и далеко вдавался в море.

— И выследили лодку? — спросила Маня.

— Пока нет, — сказал Макар Макарыч, — Сегодня опять пойдем туда сторожить.

— И про папу моего ничего нового не узнали?

— Ничего нового, Манечка, — сказал Макар Макарыч очень грустно.

Он, видимо, спохватился и поспешно прибавил бодрым голосом:

— Значит, нужно еще подождать. И капитан-лейтенант вернется.

— Вот и я все время говорю мишке: нужно еще подождать, и он непременно вернется! —

воскликнула Маня. — Заходите, заходите, Макар Макарыч!

Она взбежала на веранду, и Макар Макарыч, неловко ступая, поднялся за ней.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, пододвигая к нему соломенное кресло. — Положите ваш кулек на стол.

Он сел и положил кулек на стол. Потом помолчал немного и сказал:

— Какая вы большая стали, Манечка! Я часто к вам теперь захожу, а все не могу привыкнуть, что вы так выросли.

— Ведь вы меня вот такой знали, Макар Макарыч, — сказала Маня, протянула руку и показала, какой он ее знал: немногим выше стола.

— И не такой, а вот этакой, — поправил ее Макар Макарыч и махнул рукой где-то совсем под столом. — Я помню, как ваша мама в первый раз привела вас к нам на катер, к капитан-лейтенанту в гости. Мы тогда все любовались, какая вы хорошенькая. Вы несли на руках этого мишку, и он побольше вас был.

— Я помню этот день, — сказала Маня. — Какая я была тогда счастливая! В тот день мне подарили мишку и повели на катер, и мама была тогда еще жива, и папа стоял на ветру в белой фуражке с золотом, и все его слушались, а мне он улыбался... Возьмите папиросу, Макар Макарыч. Это папины папиросы. Видите, сколько у него папирос.

Макар Макарыч взял папиросу, закурил и сказал:

— Вот и он так мне всегда говорил: «Возьмите папиросу, Макаров». Протянет портсигар и прибавит: «Это мне дочка набивала». Я столько лет прослужил с ним на катере, столько лет он был моим командиром! Если он вернется...

Но Маня вдруг рассердилась и перебила его:

— Почему вы говорите: «Если он вернется?» Нужно говорить: «Когда он вернется»! Он вернется непременно! Разве вы больше не верите, что он непременно вернется?

Макар Макарыч испугался.

— Верю, верю! — воскликнул он поспешно. — Вы не сердитесь, Манечка, если я не так сказал: это я сбился, я нечаянно...

— Хорошо, хорошо, Макар Макарыч, я не сержусь...

Но, видно, она была очень взволнована, потому что замолчала, сжав губы, и снова принялась усердно набивать папиросы.

Макар Макарыч тоже замолчал, встревоженно и грустно поглядывая на нее. Помолчав, он поднялся и посмотрел на часы.

— Мне пора, — сказал он. — До свиданья, Манечка.

— Посидите еще, Макар Макарыч.

— Не могу, — сказал он. — Мне приказано быть на катере в девятнадцать-ноль-ноль.

И пошел к крыльцу.

— Пойдите! — крикнула Маня. — Вы опять оставили у меня кулек.

Действительно, кулек, который он принес с собой, лежал на столе. Макар Макарыч остановился.

— Какой кулек? — спросил он и посмотрел на кулек так, как будто видел его в первый раз — Ах, этот... Это не мой. Это ваш... Команда катера велела передать вам... Там пустяки: крупа, сахар...

— Но я сыта, Макар Макарыч! У меня еще все от прошлого раза осталось.

— Ничего, ничего... Ваш папа немного задержался, и мы решили... До свиданья!

Он быстро сбежал в сад и, не оборачиваясь, зашагал к калитке.

— Куда вы? Пойдите! — крикнула Маня и вдруг побежала за ним.

Но Макар Макарыч не остановился.

— Да пойдите же! Я хотела спросить... Я не про кулек...

Услышав, что она хочет спросить не про кулек, Макар Макарыч обернулся и подождал ее.

— Я давно хотела вас спросить... — сказала она неуверенно. — Корольков верит?

— Лейтенант Корольков? — переспросил Макар Макарыч.

Услышав, что они говорят про Королькова, Катя чуть не выскочила из кустов. Вот так штука! Значит, они знают Королькова! И этот Корольков — лейтенант!

— Ну да, — сказала Маня, — я давно хотела вас спросить: Корольков верит, что мой папа вернется?

— Верит, конечно, — сказал Макар Макарыч, но в голосе его не было настоящей твердости.

— Верит, но еще меньше, чем вы? — спросила Маня.

— Меньше, чем я, — сказал Макар Макарыч.

Они долго молчали.

— Мне пора, — сказал наконец Макар Макарыч. — Лейтенант Корольков велел мне быть на молу в девятнадцать-ноль-ноль. Он сейчас командует нашим катером... Временно... Пока нет вашего папы...

Маня улыбнулась ему, запирая за ним калитку. Но когда широкие плечи его исчезли за оградой, она вдруг закрыла лицо руками. Она стояла спиной к Кате и беззвучно вздрагивала. Катя вскочила и, прыгая через грядки с цветами, побежала к ней.

— Девочка! Послушай, девочка! — сказала Катя.

Но Маня не обернулась.

Катя осторожно обошла ее кругом, пытаясь заглянуть ей в лицо. Маня плакала, закрыв руками лицо. Слезы текли сквозь пальцы.

— Чего же ты плачешь? — сказала Катя, пытаясь оторвать руки от ее лица. — Нет, ты мне скажи: отчего ты плачешь? Если ты мне не скажешь, я... я... я... сама заплачу!

— Они не верят, что папа вернется, — проговорила Маня. — Они только утешают меня, а

сами не верят...

— Я, я, я верю! — закричала Катя. — Он вернется!.. Ну, не плачь, ну, посмотри на меня! — Она опять попыталась оторвать Манины руки от лица. — Ты не знаешь меня, но это не важно. Меня зовут Катя, и я говорю тебе: он вернется!.. Куда же ты?

Но Маня, плача, побежала от нее прочь на веранду, а с веранды вбежала в комнату и захлопнула за собой дверь.

— Я найду твоего папу! — крикнула ей Катя вслед. — Я еще сама не знаю как, но я найду его!

ЛЕЙТЕНАНТ СПИТ

Когда Макар Макарович Макаров, старый боцман с катера «Морской охотник», взошел на мол, огромный красный шар солнца висел уже низко над морем. Ветер утих, и было жарко, как в полдень. Сквозь воду возле мола, спокойную и прозрачную, как стекло, далеко внизу были видны камни и даже ленивые толстенькие рыбки возле них. Однако Макар Макарыч знал, что ночью будет ветер — очень уж красным было заходящее солнце.

Но пока пришвартованный к молу катер покачивался сонно и тихо, как большая люлька. На молу возле катера на деревянной тумбе, обмотанной канатами, сидел акустик Иванов. Это был тощий, высокий, сгорбленный человек с узким бледным лицом. Макару Макарычу сначала показалось, что Иванов дремлет. Но когда он подошел ближе, Иванов вдруг поднял на него свои воспаленные от бессонницы глаза.

— Тссс! — проговорил он.

— Девятнадцать-ноль-ноль, — сказал Макар Макарыч, поглядев на свои часы. — Где лейтенант?

— Тссс! Лейтенант спит!

— Спит? — Макар Макарыч понизил голос. — Это хорошо. Он пять ночей не спал.

Они все не спали пять ночей. Пять суток дежурили они у Песчаной Косы, поджидали немецкую подводную лодку. И все напрасно.

— У Манечки были? — спросил Иванов.

— Был, — ответил Макар Макарыч.

— Кулек передали?

— Передал.

— Ну как она?

— По прежнему.

— Все ждет отца?

— Все ждет.

— А вы ей говорили, что лучше бы она поехала в Баку, к тете? — спросил Иванов.

— Нет, не говорил.

— Почему?

— Духу не хватило, — сказал Макар Макарыч. — Если бы я сказал, она решила бы, что мы больше не ждем его.

— Она спрашивала, ждем мы его или не ждем?

— Спрашивала. Особенно про лейтенанта спрашивала.

— Про Королькова?

— Ждет лейтенант Корольков или не ждет.

— Что ж вы ответили?

— Конечно, что ждет.

— Но ведь надо же ее постепенно подготовить... — проговорил Иванов неуверенно.

— А если наш капитан-лейтенант все-таки жив? — сказал Макар Макарыч.

— Ох, если бы он вернулся! — воскликнул Иванов. — Как он нам нужен! Особенно сейчас, когда надо понять...

— Корольков все старается понять? — спросил Макар Макарыч.

— Все старается.

— Все мучится?

— Тут измучишься, — сказал Иванов.

Они оба отлично знали, отчего мучится лейтенант Корольков. Немецкая подводная лодка почти каждый день появляется возле города. Появляется и исчезает, появляется и исчезает. Пройти сюда и уйти отсюда она может только возле Песчаной Косы. И вот они пять суток продежурили у Песчаной Косы и ни разу не заметили подводной лодки. Каково это Королькову, который только что принял на себя командование катером, после того как настоящий командир катера капитан-лейтенант Снегирев исчез!

Акустик Иванов за эти дни и ночи измучился не меньше Королькова. Без отдыха и сна просидел он в крохотной каютке, надев на себя наушники шумопеленгатора и вслушиваясь в морскую глубину. Шумопеленгатор — удивительный прибор: с его помощью можно слышать малейший звук под водой.

— Там даже рыба не могла бы проплыть незамеченной, — сказал Макар Макарыч.

— Ну, рыба не рыба, а дельфина я бы услышал, — проговорил Иванов уверенно.

— Как же она уходит? Через горы, что ли?

— Нет, только не через горы.

— А что думает Корольков?

— Корольков думает, что если бы с нами был наш капитан-лейтенант, мы давно поймали бы

эту подводную лодку.

Иванов помолчал, посмотрел на Макара Макарыча и вдруг прошептал:

— Казаченко в городе.

— Какой Казаченко? — воскликнул Макар Макарыч, потрясенный. — Наш Казаченко?

— Матрос Казаченко с нашего катера.

— Наш матрос Казаченко? Володя Казаченко, который пропал на том берегу вместе с капитан-лейтенантом?

— Да.

— Казаченко в городе и не явился на катер?

— Он тяжело ранен.

— Перешел через фронт?

— Разумеется.

— Корольков видел его?

— Нет. Доктор запретил. Но он все равно никого не узнает и ничего не понимает.

— Выживет?

— Пока неизвестно.

— Он в госпитале?

— Нет, он у одной здешней жительницы, которая подобрала его возле своего дома. Доктор считает, что пока лучше оставить его там.

— А что Корольков?

— Корольков спрашивал доктора, не рассказывал ли Казаченко чего-нибудь о капитан-лейтенанте. Но Казаченко только бредил, а потом и бредить перестал. Корольков вернулся от доктора взволнованный, зашел в каюту и вдруг нечаянно заснул на диване.

— Вам бы тоже хорошо поспать, — сказал Макар Макарыч. — Отчего вы не спите?

— Не могу. Сон для меня уже не отдых. Только закрою глаза — и сразу чудится, будто на мне наушники и будто я снова слышу шорохи, шелесты морской глубины. Да и как тут поспишь, когда сейчас опять в море! Пойду проверю свой аппарат.

— Не разбудите лейтенанта.

— Не беспокойтесь.

Иванов медленно поднялся и ушел на катер. Макар Макарыч остался на молу один. Он тоже мало спал за последнее время, однако спать ему не хотелось — в его возрасте люди легче обходятся без сна. Он сидел, курил и думал.

И вдруг увидел двух девочек, которые шли по молу прямо к катеру.

Край солнца уже опустился в море, когда Катя вышла на мол, таща Лиду за руку. Она рассказала ей про девочку с мишкой, и теперь они шли к лейтенанту Королькову. Они сейчас скажут ему те слова, которые просил передать раненый матрос.

Впрочем, Лида по прежнему сомневалась, что в словах этих есть смысл, и шла неохотно.

— Видишь, солнце заходит, — сказала она, когда они вышли на мол. — Мама будет бегать по всему городу и искать меня. Она велит мне после захода солнца сидеть дома.

— Неужели твоя мама не понимает, что все самые таинственные и опасные дела совершаются после захода солнца? — спросила Катя.

— Мама отлично это понимает, — ответила Лида, — потому она и хочет, чтобы после захода солнца я сидела дома.

Так подошли они к катеру и увидели Макара Макарыча. Он глядел на них прищурясь.

— Здравствуйте, — сказала Катя.

— Здравствуйте, — ответил Макар Макарыч. — И не кричите так громко. Здесь нельзя кричать.

— Извините, пожалуйста, — тихо сказала Катя, стараясь говорить как можно вежливее. — Нам нужно видеть лейтенанта Королькова.

— Лейтенанта Королькова видеть нельзя.

— Нельзя? — удивилась Катя.

— Нельзя.

— Почему нельзя?

— Потому что он спит, — сказал Макар Макарыч.

Лида дернула Катю за руку — она считала, что нужно уйти. Но Катя уходить не собиралась.

— Мы пришли к нему по очень важному делу, — сказала Катя. — Придется его разбудить.

— Разбудить? — Макар Макарыч засмеялся. — Как же вы собираетесь его разбудить?

— А мы попросим вас, — сказала Катя.

— Ого! — удивился Макар Макарыч. — Ну нет. Меня просить не советую. Я старый краб, меня море просолило. Я такой соленый, что укуси меня — сразу выплунешь. И нет у меня ни дома, ни родных, ни жены, ни детей. Мой дом — катер «Морской охотник», а мои родные — те, кто плавает на нем. И когда лейтенант Корольков с катера «Морской охотник» спит после пяти бессонных ночей, я не стану его будить.

— Пойдем, Катя! Пойдем! — прошептала Лида. — Видишь, ничего не выйдет.

— Молчи! — сказала ей Катя.

И спокойно проговорила, обращаясь к Макару Макарычу:

— Хорошо, мы подождем, когда он проснется. Скоро он проснется?

— Может быть, и скоро, — ответил Макар Макарыч, — но вы все равно его не увидите;

— Почему?

— Потому что когда он проснется, мы сразу уйдем в море.

— А когда вы вернетесь?

— Мы, может быть, сюда совсем не вернемся. Мы, может быть, зайдем в другой порт.

От него ничего нельзя было добиться. Он не то шутил с ними, не то дразнил их. И Лида опять начала:

— Видишь, Катя, я говорила тебе...

— Молчи! — перебила ее Катя. — Этот добрый моряк сейчас пойдет и разбудит его.

Макар Макарыч, услышав, что его называли «добрым моряком», удивился.

— Добрый? Ого! — сказал он. — А почему вы знаете, что я добрый?

— Вы очень добрый, — убежденно проговорила Катя. — Я слышала, как вы разговаривали с той девочкой, вон там, на горе.

Макар Макарыч удивился еще больше.

— С какой девочкой? — спросил он. — С Маней?

— Да, ее зовут Маней. С той, у которой пропал отец.

— Ты знаешь ее? — спросил Макар Макарыч встревоженно. — С ней что-нибудь случилось?

— Нет, с ней ничего не случилось, — сказала Катя. — Просто я хочу помочь найти ее отца.

Тут Макар Макарыч от изумления даже качнулся на своей деревянной тумбе.

— Ого! — сказал он. — И ты можешь помочь найти нашего капитан-лейтенанта?

— Я сама пока не знаю, могу или не могу, — ответила Катя. — Но прежде всего я должна передать лейтенанту Королькову те слова, которые просил передать раненый матрос.

— Какой раненый матрос?

— Который упал во дворе у Марьи Васильевны, Лидиной мамы.

— Наш Казаченко?

И Макар Макарыч вскочил с тумбы.

— Да, да, его фамилия Казаченко! — воскликнула Лида. — Мама нашла у него в кармане документ, и там написано: «Владимир Семенович Казаченко».

— Казаченко просил что-то передать лейтенанту Королькову?

— Да, просил, — сказала Катя.

— Наверно, что-нибудь о нашем капитан-лейтенанте! — воскликнул Макар Макарыч в

сильнейшем волнении. — Что же он просил передать?

— Ну нет, этого я вам не скажу, — ответила Катя, прямо глядя ему в глаза. — Это тайна. Он говорил: «Передайте Королькову», и я передам только Королькову.

Макар Макарыч, видимо, растерялся. Он сначала, казалось, собирался рассердиться на Катю. Но передумал.

— Придется разбудить, — сказал он и одним прыжком перескочил на палубу катера.

Он нырнул в люк, и оттуда, из люка, донесся до девочек его голос: «Товарищ лейтенант, разрешите доложить...»

Солнце зашло, но закат пылал, как огромный костер. Все было багрово кругом — и небо, и море, и берег, и горы. Стекла круглых окошечек катера сияли, словно раскаленные угли. Лида заглянула Кате в лицо. Катины глаза, отражавшие закат, блестели торжеством.

— Сейчас я скажу Королькову, — прошептала она, — и он сразу все поймет. Я только рот открою, и ему уже все будет ясно. На войне всегда так. Секретное донесение. Для тебя это бессмысленные слова, а для него — точное указание.

Она замолчала, потому что на палубе катера появился лейтенант Корольков.

Это был еще очень молодой человек, тоненький, среднего роста. Он отпустил себе усы — вероятно, для того, чтобы казаться старше, — но белокурые усики нисколько его не старили. У него было мальчишеское лицо, загорелое, с ясными голубыми глазами.

— Где эти девочки? — спросил он Макара Макарыча, спешившего вслед за ним.

Но сразу же заметил Катю и Лиду и перескочил к ним на мол.

— Что мне просил передать Казаченко? — спросил он, кивнув им головой.

Он волновался. Макар Макарыч и Иванов, тоже взволнованные, уже стояли рядом с ним.

— «Когда свет горит, она в бухте», — сказала Катя.

— Как? Как?

— «Когда свет горит, она в бухте».

— И больше ничего?

Катя удивилась:

— Больше ничего.

Она не понимала, что ему еще надо.

— Какой свет горит? — спросил Корольков. — Кто такая «она»? В какой бухте?... Вы понимаете что-нибудь, Макаров?

— Пока нет, — ответил Макар Макарыч.

— «Когда свет горит...» — повторил Корольков. — Не понимаю... «она в бухте»...

— Тут, к сожалению, нет никакого смысла, товарищ лейтенант, — сказал Иванов.

Лида рассердилась. И зачем это Катя привела ее сюда и осрамила перед этими взрослыми

людьми?

— Видишь, Катя, я тебе говорила! — сказала она. — Ведь он это в бреду. Мало ли что человек бормочет в бреду...

— Казаченко бредил, — сказал Иванов. — Это и доктор говорил.

— В бреду, конечно в бреду! — воскликнул Макар Макарыч. — А я-то решил... Прошу прощения, товарищ лейтенант, что разбудил вас!

— Ничего, Макаров, мне все равно пора вставать, — сказал Корольков.

Он повернулся к девочкам спиной, стал смотреть в море и, видимо, сразу забыл о них.

— Идем, Катя, идем! — сказала Лида и потащила Катю за руку прочь от катера. — Вот с тобой всегда так: тайны, тайны, а оказывается — чепуха.

Катя покорно шла за ней. Она была подавлена неудачей и молчала. Она молчала всю дорогу до самого дома, в котором жила Лида. И только уже в сумерках, когда они входили в калитку, воскликнула:

— Неужели тут нет никакого смысла? Не поверю!

«КОГДА ОГОНЬ ГОРИТ...»

Девочки ушли, и Корольков задумался.

Мягкие теплые сумерки ползли на мол с берега, закат медленно отступал перед ними, но Корольков не замечал ни сумерек, ни заката.

Командиром катера он стал совсем для себя неожиданно. В течение нескольких месяцев он был помощником командовавшего катером капитан-лейтенанта Снегирева, выполнял его приказания, следил за тем, чтобы эти приказания выполняли другие, но никаких важных решений ему самому принимать не приходилось. Все важное решал капитан-лейтенант. И вдруг капитан-лейтенант исчез, не вернулся из десантной операции. В самый разгар боевых действий командование катером пришлось принять на себя Королькову.

Королькову шел двадцать второй год, и он очень страдал от своей молодости. Почти все его подчиненные были старше, чем он, и служили на флоте дольше, чем он. Это были славные моряки, они слушались его, относились к нему почтительно и несомненно старались ему помочь. Но он никак не мог отделаться от подозрения, что они, глядя на него, думают: «Эх, молодой человек, рано тебе охотиться за подводными лодками!»

И действительно, может быть, рано? Чем иначе объяснить эту странную неудачу, которая преследует катер с тех пор, как пропал капитан-лейтенант? Немецкая подводная лодка почти каждую ночь проскакивает мимо Песчаной Косы, где, казалось бы, не заметить ее просто невозможно. А вот он не заметил!

— Иванов!

— Слушаю, товарищ лейтенант!

Иванов почтительно вытянулся перед Корольковым. Он был на голову выше Королькова и лет на семь старше его.

— А вдруг вы все-таки проспали ее, Иванов? Ведь бывает же, со всяким может случиться... Вам мало пришлось спать за последнюю неделю... Всем нам так мало пришлось спать... Иной раз сидишь с открытыми глазами, думаешь, что не спишь, а на самом деле спишь... С вами так не было, Иванов?

— Нет, товарищ лейтенант, я не проспал ее, — сказал Иванов твердо.

Корольков взглянул в сухое лицо Иванова, еще похудевшее за эту неделю. Нет, Иванов — опытнейший акустик, проспять он не мог. Кто же тогда виноват? Неужели все дело в том, что катером командует он, Корольков, а не капитан-лейтенант? Как узнать, что сделал бы капитан-лейтенант на его месте?

— Макаров!

— Слушаю вас, товарищ лейтенант!

— Вольно, Макар Макарыч, вольно... Вы, кажется, давно служите с капитан-лейтенантом?

— Пять лет был он моим командиром.

— Пять лет! Это большой срок. За пять лет можно хорошо узнать человека.

— Знаю его, как самого себя. Взгляну на него и чувствую, сердит он или доволен. Он только кашляет, а мне уж известно — он сейчас скажет, что палуба плохо надраена.

— А вы часто угадывали, что он собирается сделать?

— Часто. Он еще команды не успеет произнести, а я уж бегу...

— Скажите, Макар Макарыч, как по-вашему, он сторожил бы подводную лодку у Песчаной Косы?

Макар Макарыч взглянул Королькову в лицо таким понимающим взглядом, что Корольков смутился.

— Сторожил бы, — сказал Макар Макарыч. — И в том самом месте, где мы сторожим. Потому что это самое узкое место, и нигде ей иначе не пройти.

— А если бы она там не появлялась?

Макар Макарыч ответил не сразу.

— Он думал бы, — сказал он наконец. — Днем думал бы и ночью думал бы, в море думал бы и на берегу думал бы. Как вы.

— Как я? — удивился Корольков. — И придумал бы?

— Придумал бы. Как вы придумаете.

Быстро темнело. Закат превратился в далекую узкую полоску, ночь дышала над морем, обступила мол со всех сторон. Город исчез во мраке, ни одного огня нигде — и только высоко в небе сияли звезды, разгораясь все ярче и ярче.

Иванов, повернувшись спиной к городу, смотрел за море, туда, где лежал захваченный немцами берег, теперь совсем невидимый.

— Что вы там увидели? — спросил его Корольков.

— Смотрите, товарищ лейтенант, опять этот огонек, — сказал Иванов.

Действительно, там, за морем, сиял огонек, еле приметный, не больше самой тусклой звездочки. Его можно было бы принять за звезду, но нет, это была не звезда. Звезды движутся, а этот огонек вот уже третью или четвертую ночь теплился на одном и том же месте.

— И у нас и у немцев все огни потушены, затемнение, и вдруг — огонь... — сказал Корольков. — Любопытно, для чего немцы зажигают этот огонь? Освещают что-нибудь у себя на побережье?

— Нет, этот огонь слишком высоко в горах и с того побережья не виден, — сказал Макар Макарыч. — Я знаю ту сторону, там горы нависают над берегом. Этот огонь виден только с моря.

— «Когда огонь горит...» — проговорил вдруг Иванов.

И Корольков сразу вспомнил двух девочек, черненькую и беленькую.

— Что вам пришло в голову, Иванов? — спросил он.

— То же самое, что и вам, товарищ лейтенант.

— Мне? — удивился Корольков. — Да, я подумал было... Но ведь мы ничего про этот огонь не знаем.

— Ничего не знаем, — сказал Иванов.

— И все так же непонятно, как было раньше.

— Так же непонятно, как раньше.

Корольков посмотрел на часы, поднеся их к самым глазам.

— Нам пора уходить отсюда, — сказал он.

И прибавил другим, командирским голосом:

— По местам!

Макар Макарыч первый перескочил с мола на катер. За ним перескочил Иванов.

Корольков помедлил еще несколько мгновений на молу.

— «Когда огонь горит...» — повторил он тихонько. — Неужели в этом есть какой-нибудь смысл? Какой?

ПЕТИНА НАХОДКА

В этом городе войну с немцами вели все. Даже Петя, маленький Лидин братишка.

Конечно, об этом мало кому было известно. Пожалуй, никому, кроме Лиды и Марьи Васильевны. Да и они знали далеко не все.

Как автоматчик никогда не расстаётся со своим автоматом, так и Петя никогда не

расставался с рогаткой. По правде сказать, он так и называл свою рогатку — автомат. Когда высоко над городом появлялся немецкий самолет-разведчик и, оставляя за собой узенький белый след, начинал кружиться в голубом небе, Петя выскакивал с рогаткой за калитку. Зенитные батареи били по самолету, в небе возникали и таяли белые облачка разрывов, и Петя бил по самолету из своей рогатки. И когда однажды немецкий самолет вдруг сорвался и, охваченный пламенем, упал в море, Петя считал вполне вероятным, что это он сбил его.

Так принимал он участие во всех, воздушных боях, совершавшихся над городом. Мало того: огнем из своей рогатки отвечал он на огонь артиллерии, обстреливавшей город. Следовательно, принимал он участие и в наземных боях.

Кроме рогатки, у него было много и другого военного имущества. Он подбирал все, что имело отношение к войне: осколки снарядов, пустые патроны, пуговицы от красноармейских шинелей. Он очень дорожил этим своим военным складом и вел постоянную борьбу с Марьей Васильевной, которая вечно стремилась вытрясти из его карманов весь этот тяжелый металлический хлам.

Сегодня ему досталась одна военная вещь необыкновенной ценности. Когда Марья Васильевна чистила на дворе брюки матроса, лежавшего у них в доме, на дорожку выпало что-то маленькое, круглое и покатилося прямо к Петиним ногам. Петя нагнулся и поднял.

Эта маленькая военная вещь была очень похожа на часы. Стеклышко, стрелка, цифры по краям. Но Петя сразу понял, что это не часы. Не слышно никакого тиканья. И стрелка странно мечется из стороны в сторону. И цифр по краям слишком много.

На оборотной стороне этой удивительной вещи была нацарапана какая-то надпись. Одна большая буква оказалась знакомая. Она была похожа на ворота, и Петя знал, что это буква «П». Но с остальными буквами он еще не был знаком.

Петя не расставался со своей находкой ни на минуту. Он таскал ее в кармане и убежал за дом, в кусты, чтобы полюбоваться ею. Он не хотел, чтобы она попала на глаза Марье Васильевне или Лиде, потому что боялся, как бы ее у него не отняли. Зная обычай Марьи Васильевны вытряхивать по ночам его карманы, он вечером, раздевшись, положил драгоценную находку в свой башмак.

Вечером у них была Катя. Она часто бывала у них по вечерам, иногда даже оставалась ночевать, потому что мама ее приходила с работы очень поздно. Сейчас Лида и Катя сидели рядом за столом и ели вареную картошку, таская ее ложками из большой кастрюли. Окно было плотно закрыто ставнями. Город давно уже обходился без электрического света, и комнату озарял крохотный огонек, дрожавший, как золотая капля, на конце фитилька, вставленного в аптечную склянку.

Катя молчала. После разговора с Корольковым, после того, как она так осрамилась перед Лидой, приняв бессмысленные слова больного за таинственное донесение, она не в силах была разговаривать. Лида тоже молчала, искоса поглядывая на Катю. Она понимала, что происходит с Катей, и жалела ее. В комнате раздавался только стук ложек по кастрюле; и еще один звук, странный и жуткий, доносившийся из-за шкафа.

Это был прерывистый, нестройный, протяжный храп, сопровождаемый каким-то клокотаньем. Там, в той части комнаты, которая отделена была шкафом, лежал раненый матрос Казаченко, и хрип этот был его дыханием. Глаза его были закрыты, он лежал неподвижно; он ничего не понимал и не слышал и только дышал — трудно и громко.

Там же, за шкафом, сидела на стуле Марья Васильевна. По совету доктора она каждые десять минут меняла на его голове мокрое полотенце. Сидела она в темноте — Марья Васильевна нарочно не зажигала за шкафом света, чтобы раненого не беспокоили мухи. Но

зато там настезь было открыто окошко, и прохладный ночной ветер врывается в комнату.

— До чего темно! — сказала Марья Васильевна, глянув в окошко. — До чего страшно! Вечер был ясный, а теперь какая-то туча ползет по небу и гасит звезды. Днем, при свете, еще можно кое-как терпеть, но в темноте чересчур страшно.

— Марья Васильевна, я давно хотела вас спросить: почему вы притворяетесь? — проговорила вдруг Катя.

— Что? — испуганно и удивленно спросила за шкафом Марья Васильевна.

— Ну да, вы все время притворяетесь, — настойчиво повторила Катя. — Я сначала думала даже, что тут какая-то тайна...

— Я? Притворяюсь? — воскликнула Марья Васильевна.

— Вы притворяетесь, будто вы трусиха.

— Господи, да я всего боюсь! — сказала Марья Васильевна. — В этом ужасном городе, где враг стоит у порога, где снаряды летают по улицам...

Но Кате сегодня хотелось спорить, говорить наперекор.

— Притворяетесь, Марья Васильевна, притворяетесь! Уверяете всех, будто вы трусиха, а на самом деле вы удивительно храбрая.

— Я? Храбрая? — вздохнула Марья Васильевна за шкафом.

— Вы удивительно храбрая женщина, и я сама это видела, — сказала Катя. — Когда снаряды рвались вокруг детского дома на Рыбацкой улице и все горело кругом, вы много раз прошли сквозь огонь и ходили туда и обратно до тех пор, пока всех детей не снесли в погреб.

— Как будто я одна ходила тогда в детский дом! — сказала Марья Васильевна. — Тогда много женщин туда побежало. А что было делать? Если б мы не ходили, всех детей убило бы. А я так боялась, так боялась! Я после этого случая твердо решила взять Петю, Лиду и бежать из города куда глаза глядят!

— Да ведь не убежали, — сказала Катя.

— Ты ведь знаешь, отчего я не убежала, — ответила Марья Васильевна. — Из-за этого раненого молодого человека. Не могу же я его бросить! А вот ему станет лучше немного, я сдам его в госпиталь и убегу.

— И опять не убежите. Опять вас что-нибудь задержит.

— Ну нет, теперь уж ни за что не останусь, — сказала Марья Васильевна. — С какой стати мне такую муку терпеть?

На этом разговор оборвался. Катя замолчала. Ей захотелось побыть одной, подумать в тишине.

— Марья Васильевна, поешьте картошки, — предложила она внезапно, — а я посижу с ним.

Марья Васильевна постоянно боялась, что раненый свалится с кровати, и ни на минуту не оставляла его одного. Она усадила Катю на стул за шкафом, а сама пошла ужинать.

Голова раненого смутно темнела на подушке. При каждом вздохе он вздрагивал и дергался всем телом. Большая рука его свесилась с кровати. Катя взяла ее и положила поверх одеяла.

Рука была влажная и такая горячая, что Кате стало жутко.

Она глянула в окно. Погода за какой-нибудь час совсем переменялась. Порывистый ветер налетал с моря, и слышно было, как он шумит в листьях. Туча скрыла все звезды, и на дворе было темно, как в подвале. Только далеко-далеко, за невидимым морем, мерцал крохотный огонек, не больше булавочной головки.

«Несчастливая я девочка! — думала Катя. — Казалось, все было уже у меня в руках, казалось, стоит мне произнести эти слова перед Корольковым — и тайна раскроется разом, и вдруг все снова стало далеким и неясным, как вон тот огонек!»

Как мил был для нее в эту минуту далекий огонек, горящий за морем! Она вспомнила, что сама еще совсем недавно жила на том берегу, где горит этот огонек. Быть может, он горит над ее родным домом. Как раз над ее домом, высоко в горах, была ее пещера, про которую никто не знал, кроме нее. Там она играла в крейсер «Победитель», там до сих пор ее куклы, ее карты, ее компас. А вдруг огонек горит в пещере? Неужели немцы нашли ее?

При мысли, что в ее пещере могут быть немцы, ей стало еще грустнее. Нет, нет, подъем в пещеру так крут, вход так густо зарос ежевикой... Вероятно, этот огонь горит где-нибудь по соседству с пещерой.

«Когда свет горит...» — внезапно вспомнила она, и сердце ее забилося.

А вдруг это тот огонь?

Нет, не может быть!

— А почему не может быть?

— Я так и чувствовала, что он даже в башмак что-нибудь спрячет, — сказала Марья Васильевна, отделенная от Кати шкафом. — Смотри, что я нашла у него в башмаке! Стрелка так и прыгает, так и скачет.

— Это компас! — раздался удивленный голос Лиды.

— Компас? Интересно знать, где наш Петюшка подобрал компас?

— Здесь где-нибудь, — сказала Лида. — Наверно, его уронил наш раненый моряк.

— Конечно, это его компас, — согласилась Марья Васильевна. — Гляди, на оборотной стороне нацарапано: «Победитель». Это, наверно, название корабля...

— «Победитель»? — воскликнула Катя.

Она подпрыгнула на стуле.

— Ты знаешь этот корабль? — спросила Марья Васильевна.

— Знаю этот корабль, — сказала Катя. — И знаю этот компас.

— Ну вот, глупости какие! — проговорила Марья Васильевна. — Откуда ты можешь знать этот компас!

— И знаю, что на компасе под надписью «Победитель» нацарапаны еще две буквы: «Е» точка «С» точка.

— Правильно! — удивилась Марья Васильевна и даже поглядела, не может ли Катя как-нибудь видеть компас из-за шкафа. — Я думаю, что это имя и фамилия командира

корабля.

— Да, — сказала Катя. — Командира корабля «Победитель» зовут Екатерина Смирнова.

— Как? — спросила Марья Васильевна.

— Екатерина Смирнова, так же как меня... Лида, милая, посиди здесь, у меня больше нет ни минутки, мне надо идти!

Катя вышла из-за шкафа. Лицо ее было бледно, глаза блестели. Заметив, что Марья Васильевна что-то хочет у нее спросить, она кинулась к ней и вдруг обняла ее, на мгновение уткнувшись лицом в ее кофту.

— Только не спрашивайте меня ни о чем, — сказала она, — потому что я за целый год ничего не могла бы вам объяснить, а я так тороплюсь. Огонь горит в моей пещере! И Казаченко достал этот компас в моей пещере! И папа девочки с мишкой в моей пещере! И я должна сейчас же все рассказать Королькову!

Она быстро поцеловала Марью Васильевну в щеку и выскочила за дверь.

Марья Васильевна долго растерянно стояла посреди комнаты, держа компас в руке.

— Бешеная, — проговорила она наконец.

СКВОЗЬ ВЕТЕР

В полной тьме Катя бежала по улицам города все вниз и вниз, к молу. В лицо ей дул ветер, которого не было еще час назад. Плотный, стремительный ветер рвал ее волосы, старался сорвать с нее платье, прижимал ее к заборам, валил с ног.

Опять, как каждую ночь, справа, на северо-западе, там, где был фронт, встало бурое зарево. Ветер так шумел, что привычный грохот фронта — там всегда как будто перекачивали что-то огромное, тяжелое — не был слышен; но внезапные вспышки — отсветы далеких артиллерийских выстрелов — время от времени на мгновение озаряли низкие, быстро бегущие тучи и верхушки тополей, гнущиеся от ветра. При одной из таких вспышек Катя увидела перед собой мол — длинный, белый, окруженный черной водой. Она пыталась разглядеть и катер, но не успела: все сразу погасло.

Катя выскочила на мол. Здесь ветер дул еще сильнее и старался сбросить ее в воду. Босыми ногами она чувствовала, как мокры и холодны каменные плиты. Тьма, окружавшая ее, двигалась, бурлила; в этой бурлящей тьме волны с плеском разбивались о мол, и тяжелые брызги летели ей в лицо.

Борясь с ветром и брызгами, она шла вдоль того края мола, где стоял катер. Она шла так долго, что стала уже бояться, не прошла ли мимо. Но вспомнила, что катер стоял возле двух деревянных тумб, а на тумбу она наткнулась бы непременно. И чуть об этом подумала, как стукнулась коленом о тумбу.

Она остановилась, стараясь разглядеть катер. Но в этой плотной тьме ничего разглядеть было нельзя. Она подошла к самому краю, вглядываясь и вслушиваясь. Она старалась по какому-нибудь скрипу, шороху уловить близость катера. Но ничего не было слышно, кроме воя ветра и плеска воды.

Потом далекая артиллерийская вспышка озарила небо и волны. Она снова увидела весь мол, окруженный белой пеной.

Катера возле мола не было.

ПЕСЧАНАЯ КОСА

В первую минуту она подумала, что все кончено.

Катер ушел и, как сказал Макар Макарыч, наверно уже больше сюда не вернется. И никто никогда не поможет командиру катера, который каким-то таинственным образом попал в ее пещеру и сидит там, окруженный немцами, и ждет помощи.

Печально смотрела она во тьму, нависшую над морем. Там, вдалеке, все еще сиял крохотный огонек... Нет, так этого оставить нельзя. Надо что-то сделать... Надо догнать катер.

Она знала, куда ушел катер. Он дежурит в море возле Песчаной Косы. Надо догнать его, пока он не ушел еще дальше, пока огонь горит.

Она не раз бывала на Песчаной Косе, но, конечно, днем, а не ночью. Это длинный низкий мыс, далеко врезающийся в море. До войны пляж Песчаной Косы считался лучшим пляжем вблизи города, и туда на автобусах ездили купаться отдыхающие из окрестных санаториев. Но теперь там пусто. И как добраться туда в такой тьме?

И вдруг она вспомнила, что, вероятно, скоро взойдет луна. Полнолуние кончилось уже несколько суток назад, но лунный серп еще появлялся по ночам: с каждой ночью он восходил все позже. Когда взойдет луна, будет гораздо светлее, несмотря даже на тучи.

До сих пор она ходила на Песчаную Косу по берегу. Это был длинный, извилистый путь, очень приятный в хорошую погоду. Слева вздымались высокие черные скалы, к которым лепились птичьи гнезда, справа плескалось море, и идти нужно было между скалами и морем по мокрой гальке, смешанной с мелкими ракушками. Но сейчас, в такой ветер, пройти по берегу невозможно: волны бьют прямо в скалы. Оставался только один путь — через город, а там, дальше, — по дороге через виноградники. И Катя решила пойти этим путем, хотя дорогу через виноградники представляла себе не совсем ясно.

В полной тьме прошла она сквозь весь город, не встретив ни одного человека. Она знала в городе каждый забор и каждый камень и все же несколько раз натыкалась на столбы и падала в канавы. Ветер сбивал ее с ног. Казалось, вот-вот он перевернет ее и поволочет через все пустыри, сады, улицы — прямо в горы. Задыхаясь, она боролась с ветром за каждый шаг. Он стегал ее в темноте ветками кустов, но она шла и шла, сжав кулаки и опустив голову.

Едва она вышла за город, как взошла луна. Катя узнала об этом по красному сиянию, озарившему край горизонта над морем. Через минуту она на мгновение увидела луну в разрыве туч. Огромный и красный огрызок луны повис над морем, и стало видно, с какой неистовой быстротой мчатся тучи. Луна сейчас же исчезла, но багровое пятно на тучах осталось, и уже не было так темно, как раньше. И при смутном этом сиянии Катя увидела курчавые виноградники на округлых, мягко спускающихся к морю склонах холмов.

Катя пошла вниз по дороге через виноградники, недорого поминутно раздваивалась, и ей приходилось выбирать путь наугад. Неожиданно наткнулась она на часового с автоматом. Он что-то закричал ей издали, она не расслышала его слов, но поняла, что здесь идти нельзя, и

остановилась. Тут, в виноградниках, было, видимо, скрыто что-то военное — батарея, или наблюдательный пункт, или командный пункт. Она стояла, не зная, что ей делать дальше, но часовой вдруг замахал руками и стал знаками объяснять ей, чтобы она шла левой.

И она пошла влево, без дороги, прямо через виноградники.

Ноги ее утопали в рыхлой земле, вьющиеся стебли винограда хватали ее со всех сторон, как пальцы. Здесь, за широкими виноградными листьями, она не видела даже моря и шла совсем наугад. Ей казалось, что она идет уже целую вечность и давно прошла мимо Песчаной Косы. Но вдруг рыхлая земля выскользнула у нее из-под ног, она полетела вниз, вниз, напрасно цепляясь за листья, и с размаху упала в песок.

Песком был полон весь воздух, стремительно летящим в ветре песком. Летящий песок резал ей лицо, и, поднявшись, она долго стояла спиной к ветру, прежде чем ей удалось открыть глаза. Наконец она осторожно огляделась. Она была на Песчаной Косе.

Узкая эта коса была похожа на светлую дорогу, проложенную в морскую даль между огромными волнами. Волны вздымались вокруг, как горы, и непрерывно шли на нее, ряд за рядом. Перед самой косой они вдруг обрушивались с грохотом взрыва и рассыпались клокочущей пеной.

Идя все дальше и дальше по глубокому песку, Катя напряженно вглядывалась в море, надеясь увидеть катер. Но видела только стада волн, поднимающих свои горбатые спины. Свет луны, пробивающийся сквозь тучи, был обманчив. Иногда ей казалось, что она видит что-то похожее на судно, но через мгновение она понимала, что ошиблась, что это тоже волна, только поднявшаяся выше остальных.

Внезапно ветер разорвал тучи, и луна выплыла в разрыв. И пена волн сверкнула, и море озарилось далеко-далеко, и Катя совершенно ясно увидела катер.

До него было меньше полукилометра. Он то взлетал на верхушку волны, то вдруг проваливался в пропасть между волнами и почти весь исчезал — только две его радиомачты торчали. Кате становилось страшно: а вдруг он уж больше не вынырнет? Но миг — и вот он опять на вершине, и лунный свет отражается в стеклах всех его круглых окошечек.

Он был так близко, что в тихую погоду она просто крикнула бы, позвала бы. Но сейчас она сама не расслышала бы своего голоса. Катер был близок и в то же время так же недостижим, как если бы он находился на другом конце моря.

Ей стало казаться, что расстояние между берегом и катером увеличивается. А вдруг он совсем уйдет? В отчаянии она замахала катеру руками. Она бежала и махала руками, и длинная тень ее, тоже машущая руками, скользила за нею по песку.

Впрочем, она отлично понимала, что с катера ее не заметят. А если бы даже заметили, обратили бы на нее внимание? Конечно, нет. Но она бежала и махала, пока не увидела прямо перед собой маленький белый ялик.

Он стоял на песке, Чистенький, беленький, и каждая волна длинным своим языком почти доползала до его кормы. Катя подошла и заглянула в ялик. Две скамейки, два весла, две уключины. Она еще ничего не решила, но просто так, на всякий случай, попробовала, может ли она его сдвинуть с места. Она надавила на него плечом, и ялик сдвинулся. Следующая волна уже лизнула его корму. Катя опять надавила, и он пошел еще легче — под уклон. Снова набежала волна, плеснула Катю по ногам, и ялик всплыл.

Катя ухватила его за нос и потащила к берегу. Но волна, отступая, волокла его за собой в море. Катя упиралась ногами, но волна вымывала песок из-под ее ног, и ялик тащил ее за

собой. Когда волна дошла до подола ее платья, она вскочила в ялик.

Едва она очутилась в ялике, как увидела, что берег стремительно уплывает от нее. Ее тащило в море и при этом так толкало, швыряло, подбрасывало, что она упала на скамейку.

И тут на убегающем, уплывающем берегу она заметила человека.

Человек этот со всех ног бежал по берегу прямо к ней. Это был моряк — ленты его бескозырки прыгали на ветру. Добежав до воды, он остановился. Расстояние между ним и Катей все увеличивалось.

Но тут новая волна налетела на ялик и подняла его высоко на свой гребень. И берег стал приближаться к Кате с такой же стремительностью, с какой прежде он удалялся. Подхваченный волною ялик с Катей несся прямо к берегу, к стоявшему там моряку.

Моряк, очевидно, надеялся, что волна вынесет ялик на берег. Но до берега оставалось еще несколько метров, когда волна вдруг замерла и — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее — потянула ялик назад, в море.

Тогда моряк кинулся в воду. Весь в брызгах и в пене, он гнался за яликом и догнал его, когда вода доходила ему уже до плеч. Он ухватился за нос, подтянулся на руках и влез в ялик.

Он сел на скамейку как раз против Кати и стал вставлять весла в уключины. И Катя узнала его.

Это был Макар Макарыч.

В ЯЛИКЕ

Корольков послал Макара Макарыча в ялике на берег известить командира береговой батареи, что катер прибыл к Песчаной Косе. Он мог известить его по радио, но не сделал этого из осторожности: теперь ему стало казаться, что немцы, быть может, перехватывают его радиogramмы. Чем иначе объяснить неуловимость этой подводной лодки?

Он приказал Макару Макарычу немедленно возвращаться, потому что в такой ветер катеру небезопасно держаться долго так близко от берега. Когда Макар Макарыч, исполнив приказание, вышел на берег и увидел, что ялик его уносит волнами, он не сразу заметил Катю, потому что она лежала на скамейке. Он подумал, что ялик просто смыло волной, и несколько удивился этому, так как хорошо помнил, что вытащил его далеко на песок. И только прыгая в воду, он заметил, что в ялике кто-то сидит.

Взобравшись в ялик, он, изумленный, узнал ту девочку, которая сегодня приходила на мол.

— Ты зачем? — закричал он ей сквозь ветер. — Ты куда?

Ялик взлетел на гребень волны, потом нос его рухнул в пропасть.

— Я к Королькову! — крикнула она ему.

— Держись! — закричал Макар Макарыч, потому что нос ялика полез вверх, и Катя не вывалилась только оттого, что обхватила обеими руками скамейку.

«Неужто она не боится?» — думал он. Он понимал, что надо вернуться на берег и посадить ее. Но пока он удивлялся, колебался, спрашивал, их так далеко отнесло, что низкий берег

Песчаной Косы почти исчез из виду. Теперь до катера было не дальше, чем до берега.

— Зачем тебе Корольков? — крикнул Макар Макарыч, наклонив свое мокрое лицо к самому Катиному уху.

— Я знаю, где Манин папа! Он на том берегу... в пещере... где горит огонь!

Макар Макарыч перестал колебаться и решительно кивнул головой.

— Держись крепче! — крикнул он Кате и налег на весла.

То взлетая ввысь, то сваливаясь в пропасть, ялик шел прямо к катеру.

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

В крохотной каюте, озаренной яркой электрической лампочкой, сидел акустик Иванов. Узкое лицо его было сжато наушниками. Он вслушивался в звуки, доносившиеся из морской глубины: не пройдет ли мимо Песчаной Косы подводная лодка?

Вдруг глаза его блеснули.

Корольков, стоявший в дверях каюты, сразу подметил этот блеск.

— Что вы слышите? — спросил он.

Иванов из-за наушников не расслышал голоса Королькова, но догадался, о чем он спрашивает.

— Плеск весел, — ответил Иванов. — Макар Макарыч возвращается.

— А... — сказал Корольков разочарованно.

Впрочем, он давно уже не ждал подводной лодки. Шестую ночь он нетерпеливо вглядывается в лицо Иванова, шестую ночь Иванов слушает. И ничего.

— Все зря, — сказал Корольков.

Иванов, не расслышав его, снял наушники.

— Можете больше наушников не надевать, — сказал Корольков. — Все равно не услышите.

— Как же так, товарищ лейтенант? А вдруг...

— Никакого «вдруг» не будет.

— Но почему же, товарищ лейтенант?

— Потому, что она никогда не проходит мимо Песчаной Косы.

— Но как же она выходит в открытое море?

— Она никогда не выходит в открытое море. Она прячется где-то возле города.

Они долго молча смотрели друг на друга. Катер сильно качало. Они то поднимались, то опускались.

— Этого не может быть, — проговорил Иванов наконец. — Ей негде спрятаться.

— А разве может быть, что она проходит мимо Песчаной Косы и мы ее не слышим?

— Нет, этого тоже не может быть.

Они опять замолчали. И молчали еще дольше.

— А огонь все горит? — спросил вдруг Иванов.

Корольков сразу понял, про какой огонь он спрашивает:

— Горит.

— «Когда огонь горит...» — сказал Иванов.

— «...она в бухте», — сказал Корольков.

Их подымало и опускало. Вверх — вниз. Вверх — вниз.

— О чем вы думаете, Иванов?

— О том же самом, о чем и вы, товарищ лейтенант.

— Я думаю, что хорошо бы повидать ту девочку, которая нам передала эти слова.

И сразу же у себя за спиной Корольков услышал громкий голос Макара Макарыча:

— Товарищ лейтенант, разрешите доложить...

Он обернулся. Перед ним стоял Макар Макарыч, держа за руку ту девочку.

Платье на ней вымокло. Блестящие черные глаза прямо смотрели в лицо Королькову.

— Ох! — сказал Корольков.

Больше он ничего не мог выговорить.

От удивления он даже не сразу начал понимать, что говорит ему Макар Макарыч.

— ...я, конечно, очень виноват, но она сказала, что теперь уже точно знает, где наш капитан-лейтенант, и я решил взять ее с собой... И не мог же я ее выбросить в море, раз она уже сидела в ялике!

— Хорошо, хорошо, Макаров.

Корольков взял Катю за руку и отвел в свою каюту. И там, в этой самой большой каюте, которая была не больше платяного шкафа, Катя рассказала ему все, что знала.

И Корольков позвал Макара Макарыча и велел ему отвести Катю в кают-компанию и напоить ее крепким горячим чаем, и уложить ее там на диване, и укрыть потеплее.

А сам подошел к медной переговорной трубе, которая вела в самый низ, в машинное отделение, и крикнул:

— Полный вперед!

НАСТОЯЩИЙ КОРАБЛЬ

Катя сразу заснула и сколько проспала, неизвестно. Засыпая, она думала: «В такую ночь спать нельзя», и с этой же мыслью проснулась. Открыла глаза и сразу села.

Кают-компания была совсем маленькая — в ней никак не могло бы поместиться больше четырех человек. Почти всю ее занимал квадратный стол, покрытый белой скатертью. Катя сразу заметила, что ножки его привинчены к полу, иначе он давно съехал бы со своего места. Его поднимало, опускало, кренило то на один бок, то на другой. И все кругом поднималось, опускалось, кренилось: стены, дверь, потолок, диван и сама Катя. Шумела вода. Моторы стучали, и все мелко-мелко дрожало от их стука. Катер летел.

«Корольков хочет, чтобы я спала, — подумала она. — Вот еще, стану я спать в такую ночь!»

Она соскользнула с диванчика и двинулась к двери.

Оказалось, что идти очень трудно. Пол выскальзывал у нее из-под ног. Ее сильно ударило боком о стену. Она уже почти дошла до двери, как вдруг ее отбросило назад, к дивану. Но она снова пошла к двери, держась обеими руками за стол. Потом ухватилась за дверной косяк и вышла из кают-компании.

Над нею было квадратное отверстие. Через отверстие увидела она черное небо и звезды. Значит, ночь еще продолжается, она не так долго проспала. Она знала, что это отверстие по-морскому называется Люк. Звезды в люке раскачивались. К люку вела железная лестница, похожая на те лестницы, по которым лазают на крыши: две палки с перекладинами. Она знала, что эта лестница по-морскому называется трап. Хватаясь руками за перекладины, она полезла по трапу вверх.

Едва она вылезла из люка, палуба круто накренилась, и ноги против воли понесли ее вниз, к борту. Она ухватилась за перила и повисла над самой водой, которая, пенясь и как бы вспухая, двигалась снизу прямо на нее. Потом вода стала оседать и ушла далеко вниз, а Катя взлетела вверх, держась за перила, чтобы не покатиться через палубу к другому борту.

Она задыхалась от ветра. Пока она спала, тучи исчезли, а узенький серп луны успел подняться высоко-высоко. Серебряная лунная дорожка, мелькая, бежала через море. Кроме этой дорожки, да звезд, да луны, да белых гребней волн, внезапно возникающих из тьмы, ничего не было видно.

Мимо Кати по палубе пробежал моряк. Поравнявшись с Катей, он повернул к ней круглое мальчишеское лицо и насмешливо крикнул ей в самое ухо:

— Эй, барышня, смотри, как бы тебя ветром не сдуло!

Кате хотелось ответить ему: «Смотри, как бы тебя самого не сдуло», но он уже убежал от нее, ступая по палубе так уверенно, словно не было ни качки, ни ветра. Добежав до кормы, он нырнул в люк — не в тот люк, из которого вышла Катя, а в другой — и исчез.

Немного привыкнув к ветру и к постоянным взлетам и падениям, Катя стала оглядывать палубу. Это, конечно, маленький корабль, но настоящий. Самый настоящий военный корабль. Крейсер «Победитель», который она устроила у себя в пещере, был, конечно, куда огромнее, но настоящим не был. А тут в трех шагах от Кати стояло настоящее орудие, и ствол его тускло блестел при лунном свете.

Возле орудия она увидела моряка такого большого роста, что он показался ей великаном. Он с любопытством рассматривал ее, как какого-то маленького странного зверька, и улыбался.

Катя подошла к орудию и почтительно обошла его кругом.

— Настоящее! — сказала она с уважением.

Моряк-великан расслышал и захохотал. Он нагнулся к Кате и крикнул:

— Спроси у вражеских подводных лодок, которые мы потопили, настоящее оно или нет!

— Хотела бы я пострелять из такого орудия! — сказала Катя с завистью.

Осторожно шагая и хватаясь за все, что попадалось под руку, Катя пошла на корму. Ей хотелось заглянуть в тот люк, куда нырнул круглолицый морячок.

Она заглянула в люк и, к своему удивлению, увидела, что там, внизу, была кухня. Тусклая лампочка озаряла плиту, кастрюли, развешанные по стенам. Но до чего маленькая была эта кухня! В ней мог поместиться только один человек, и то с трудом. Там находился тот самый моряк с мальчишеским круглым лицом, который сказал, что ее сдует ветром. Теперь на нем был белый фартук, он сидел возле плиты и тер тряпкой медный бок кастрюли.

Заметив Катю, глядевшую на него сверху, через люк, он сделал ей рукой знак, чтобы она спустилась к нему. Она неуверенно стала спускаться по трапу, не зная, как она там внизу поместится. Но оказалось, что поместиться можно.

— Вы кок? — спросила она, помня, что по-морскому повар называется коком.

— Да, я кок, — сказал круглолицый моряк.

— А это ваша кухня?

— Не кухня, а камбуз, — поправил ее он.

Катя немного смутилась. Все-таки досадно, когда тебя уличают в ошибке.

— Знаю, знаю, что по-морскому это называется камбуз, но ведь, по правде говоря, это просто кухня, — сказала она. — Какая маленькая кухня, как кукольная! Хотела бы я готовить в такой кухне!

Она осмотрела плиту.

— Вам, верно, очень мешает качка, — продолжала она. — Горячий суп плещет из котла в лицо. А как трудно отнести его во время качки к столу! Он, должно быть, так и вырывается из миски.

— Несешь, как циркач, — подтвердил кок не без самодовольства.

— Одно нехорошо, — сказала она: — во время боя вы ничего не видите. Ваши товарищи сражаются, а вы сидите здесь и чистите кастрюли.

— Кто вам это рассказал? — обиделся кок. — В бою я самый главный.

— Самый главный? Но ведь вы кок.

— Я вовсе не кок, — сказал кок. — То-есть я, конечно, кок, но только по совместительству. Я заведую самым главным оружием нашего корабля. По боевому расписанию я приставлен к глубинным бомбам.

— К глубинным бомбам?

— Я сбрасываю в воду глубинные бомбы. Они разрываются в глубине и топят подводные лодки.

— Хотела бы я сбрасывать глубинные бомбы! — сказала Катя.

И вдруг наверху, в люке, появилось лицо Макара Макарыча. Оглядев камбуз, он обернулся и крикнул:

— Она, оказывается, в камбузе, товарищ лейтенант!

И прибавил, обращаясь к Кате:

— Вылезай, вылезай! Мы уж думали, что ты за борт свалилась.

Катя вылезла на палубу. За ней, оставив кастрюлю и сняв фартук, вылез и кок.

Очутившись на палубе, Катя сразу заметила, что многое изменилось. Во-первых, не было видно луны. Во-вторых, ветер стал гораздо слабее.

Однако луна еще не зашла — на некотором расстоянии от катера море было по-прежнему озарено лунным светом. И Катя вдруг поняла, что они идут вдоль высоких береговых скал, которые защищают их от ветра и бросают на них свою тень.

Очертания этих скал были отчетливо видны на звездном небе. Они показались Кате удивительно знакомыми. Да ведь это же ее родной берег! Она выросла здесь, она жила на этом берегу до тех пор, пока сюда не пришли немцы.

Корольков, еле видный во мраке, стоял возле орудия и смотрел на берег. Моряк-великан стоял рядом с ним. Макар Макарыч подвел к нему Катю. Кок тоже подошел и остановился немного поодаль.

ТРУДНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Пока Катя спала, лейтенант Корольков думал.

Свои прежние смутные догадки он соединил с тем, что ему рассказала Катя, и все, что произошло с капитан-лейтенантом, прояснилось в его уме, как проясняется переводная картинка, когда ее трешь пальцем.

Капитан-лейтенант после десанта не вернулся на катер, а попал в пещеру. Как он попал в пещеру, пока неизвестно. Он попал в пещеру вместе с матросом Казаченко. Оттуда, с вышины, он видел море. Он видел, как его катер зря дежурит у Песчаной Косы, и сердце у него болело от обиды. Он видел немецкую подводную лодку. Она пряталась в бухте.

Корольков знал эту бухту. Это небольшая глубокая бухта, окруженная высокими скалами. Вход в нее так узок и так загроможден камнями, что никому и в голову не приходило, что там может прятаться подводная лодка. Но она пряталась в бухте; она то входила туда, то выходила оттуда, она издевалась над катером — и капитан-лейтенант видел это, и сердце в нем кипело от гнева. Он стал зажигать огонь в пещере, а сам послал Казаченко передать Королькову, что когда горит огонь, она в бухте. Казаченко взял компас, найденный в пещере, и отправился в путь.

Когда он переходил через фронт, его тяжело ранили.

Может быть, было так. Может быть, было не совсем так. Но медлить больше Корольков не имел права. Он покинул Песчаную Косу и повел катер к берегу, захваченному немцами.

Когда Катя с Макаром Макарычем подошла к Королькову, он молчал. И все молчали, ожидая, что он скажет. Он молчал очень долго и вдруг заговорил — негромко, торжественно и словно обращаясь к самому себе.

— Там, — сказал он, — за этими скалами, на берегу, захваченном врагами, высоко в горах, в пещере, находится наш командир, наш капитан-лейтенант. Мы ничего не знаем о нем. Может быть, он болен или ранен, но он там. Мы должны послать за ним человека, который добрался бы до него и доставил бы его сюда, на катер.

— Меня! — крикнул кок.

— Меня! — сказал моряк-великан.

— Меня! — сказал Макар Макарыч.

— Это трудное поручение, — продолжал Корольков. — На маленьком ялике, сквозь буруны, kloкочущие в скалах, нужно добраться до берега, нужно миновать немецкие береговые посты, нужно отыскать в темноте тропинку, ведущую в пещеру, найти капитан-лейтенанта и вместе с ним тем же путем вернуться сюда до рассвета. Малейшая оплошность, малейшее промедление — и капитан-лейтенант погибнет. Мы должны послать человека, на которого можно вполне положиться.

— Меня! — крикнул кок.

— Меня! — сказал моряк-великан.

— Меня! — сказал Макар Макарыч.

— Пойдете вы, Макаров, — проговорил Корольков. — Вы всех старше, опытнее и осторожнее. Вы дольше всех служили на катере с нашим командиром капитан-лейтенантом и потому имеете право первым пойти к нему на выручку.

— Благодарю вас, товарищ лейтенант! — сказал Макар Макарыч.

И он сам и все остальные понимали, что ему оказана высокая честь.

— Вы проведете ялик через буруны? — спросил Корольков.

— Конечно, — ответил Макар Макарыч.

— Вы пройдете через немецкие посты?

— Не беспокойтесь: я старый краб и мне ползать не впервой.

— А тропинку в пещеру вы найдете?

Макар Макарыч ничего не ответил.

— Что же вы молчите, Макаров?

— Постараюсь, товарищ лейтенант.

— Постараетесь?

— А кто ее знает, как найдешь тропинку в такой темноте! Огонь в пещере с берега не виден.

Ее и днем-то, пожалуй, не сыщешь...

— Он найдет, — сказала Катя.

Корольков круто повернулся к ней.

— Найдет? — спросил он удивленно.

— Найдет, потому что я покажу ему, — сказала Катя.

— Неужели ты думаешь, что я тебя пушу на берег?

— Я уверена, что вы пустите, — сказала Катя; голос у нее задрожал, она чувствовала, что вот-вот заплачет. — Вы человек справедливый, а было бы так несправедливо не пустить меня. И без меня вам никогда не найти дороги в пещеру. Я сейчас влезу в ялик и не вылезу из него...

И она действительно влезла в ялик, который висел над волнами, привязанный к борту.

— Удивительная девчонка! Никогда не видал таких девчонок, — сказал Корольков.

Ему не хотелось отпускать ее на берег. Но он понимал, что в одном она права: без нее Макару Макарычу трудно будет найти дорогу в пещеру. И из ялика ее не выгнал.

Он подошел к Макару Макарычу, внимательно посмотрел ему в лицо, потом поцеловал его в губы.

— Ну, идите, Макаров. Мы будем ждать вас через два часа у Больших Камней.

Ялик вместе с Катей спустили на воду. Макар Макарыч прыгнул в него и вставил весла в уключины.

— Берегите эту девчонку, Макар Макарыч, — сказал ему Корольков с борта.

И ялик исчез в темноте.

В БУХТЕ

— Теперь все дело в быстроте, — сказал Корольков.

И катер летел так быстро, что, казалось, вот-вот оторвется он от воды. Еле видные в звездном небе зубчатые вершины береговых скал стремительно меняли свои очертания. Катер держался от них совсем близко, скрываясь в их тени.

Вся команда уже знала, что они идут к бухте, в которой прячется немецкая подводная лодка.

— Неужели мы влетим прямо в бухту? — спросил кок моряка-великана.

Этот кок был почти мальчишка и служил на флоте первый год, а моряк, который показался Кате великаном, был моряк опытный, по званию — старшина второй статьи, по специальности — комендор. А комендор — это артиллерист, человек, который ведет огонь из корабельных орудий.

— Ну, вот еще! — сказал комендор. — Нет, вход в нее узок, как горло бутылки, и извилист, как

дымовая труба, и охраняется немцами, как мешок с золотом. Мы туда не полезем. Мы будем дежурить у входа и ждать, когда подводная лодка выйдет к нам.

«Опять дежурить!» — подумал кок. Он был молод и нетерпелив, и дежурство у Песчаной Косы смертельно надоело ему.

Корольков внезапно подошел к штурвалу. Он отстранил рулевого и сам стал за штурвал. И катер сразу сделал крутой поворот и на полной скорости понесся прямо к берегу.

Темные громады утесов росли перед ним, и, казалось, он вот-вот налетит на них и разобьется. Но в последнее мгновение утесы словно расступились, открыв перед катером черную узкую щель. И катер на полной скорости влетел в эту щель.

Когда кок и справа и слева увидел скалы, едва различимые во мраке, но такие близкие, он почувствовал, что сердце его замерло. Он стоял на корме, на своем посту, у несложного приспособления для сбрасывания глубинных бомб в воду. «Нет, все-таки мы входим в бухту! — подумал он со страхом и восторгом. — Нет, все-таки наш лейтенант замечательный парень!»

«Все дело в быстроте, — думал Корольков, стоя у штурвала. Губы его были крепко сжаты, глаза устремлены вперед, в темноту. — Только бы проскочить прежде, чем они успеют нас заметить!» Внимание его было так напряжено, что кровь стучала в висках. Скалы поминутно вырастали перед самым бушпритом, и Корольков с размаху швырял катер то вправо, то влево. Скалы теснились со всех сторон, и небо текло меж их вершинами узкой звездной рекой.

И вот внезапно скалы расступились. Катер влетел в бухту. Опоясанная высокими утесами, бухта в темноте казалась почти круглой. «Мы как в большой кастрюле», — подумал кок.

Это была темная кастрюля, потому что свет луны, загороженной горами, в нее не проникал. Корольков удивился: неужели немцы до сих пор не заметили катера? И только он успел удивиться, как голубой луч прожектора, сорвавшись с берегового откоса, скользнул по воде.

Луч скользнул далеко за кормой — немцы искали катер еще у входа, а он был уже на середине бухты. В эту минуту Иванов доложил Королькову:

— Слышу подводную лодку. Она в надводном положении.

Он с точностью указал угол между курсом катера и подводной лодкой, а также расстояние, разделявшее их.

— Огонь! — скомандовал Корольков.

Открыв огонь, катер обнаружил себя. Лучи прожекторов — теперь их было четыре — кинулись к нему. Немецкие береговые батареи со всех сторон начали обстреливать бухту. Подводная лодка тоже открыла огонь из своих орудий, частый и неприцельный: там, видимо, очень испугались. Снаряды, падая, вздымали к небу багровые столбы воды, озаряли мгновенным светом голые скалы высоких берегов. Вода в бухте бурлила, кипела. И по этой бурлящей и кипящей воде, ускользя от снарядов и прожекторов, несся катер широким зигзагом — вправо, влево, вправо, влево, и все время вперед.

«Быстрота, только быстрота!» — в который уже раз подумал Корольков. Снаряды неизменно попадали в то место, где катер был несколько секунд назад, били в его след. Даже прожекторы не поспевали за ним — ловили его на мгновение и тотчас же теряли. Ни одного десятка метров по прямой: петли, восьмерки, лесенки... И, несмотря на все эти повороты, все время огонь по подводной лодке! И все ближе к ней, ближе...

— Слышу шум торпед! — доложил Иванов. — Подводная лодка выпустила две торпеды.

Корольков знал, что в темноте попасть торпедами в маленький, быстро мчащийся катер почти невозможно. И все-таки жутко было сознавать, что два незримых чудовища несутся на тебя и ты не можешь даже увернуться, потому что не видишь их.

Но прошла минута, и обе торпеды, пробежав через всю бухту, взорвались у береговых скал, далеко одна от другой.

— Лодка погружается! — доложил Иванов.

«Ага, мы загнали-таки тебя под воду! — подумал Корольков. — Ну, теперь не уйдешь!» Охваченный тем счастливым азартом, который так знаком всем охотникам, он среди рвущихся снарядов бросил свой катер в тот угол бухты, где только что стояла подводная лодка, и прошел над нею.

— Бомбы! — крикнул он.

И круглолицый кок стал сбрасывать в воду глубинные бомбы, словно картофелины в кипящий суп. Взрывы были так сильны, что катер сам мог бы подорваться на своих бомбах, если бы не быстрота, с которой он мчался. Когда бомба взрывалась, он был уже далеко впереди и только вздрагивал своим деревянным телом. Но акустику Иванову каждый взрыв причинял нестерпимые страдания: усиленный шумопеленгатором, он таким грохотом отдавался в его наушниках, что ушам было больно. Но снять с себя наушники Иванов не мог — сквозь весь этот грохот взрывов он вслушивался в стук моторов подводной лодки.

Подводная лодка металась по дну. Каждое мгновение меняла она курс: она была то справа от катера, то слева, то спереди, то сзади. Но Иванов всегда знал, где она находится, и катер повторял каждое ее движение, и глубинные бомбы падали в воду.

Вдруг подводная лодка затихла.

— Я больше не слышу ее, — сказал Иванов.

«Что с ней? Уничтожена? Или только притаилась?» — подумал Корольков.

— Возьмите ведро и зачерпните воды из-за борта! — крикнул он коку.

Кок подошел к нему с ведром.

— В этой бухте не вода! — сказал он, пораженный.

— Не вода?

— Масло, товарищ лейтенант.

В ведре поверх воды была черная вязкая жидкость.

Масло! Теперь уже не могло быть сомнений: подводная лодка потоплена, раз из нее вытекло масло.

Снаряд разорвался совсем близко от катера, и катер так трянуло, что Корольков чуть не упал. Но он только рассмеялся. Теперь, когда подводная лодка потоплена, даже смерть не казалась ему страшной.

«Все дело в быстроте», — подумал он еще раз. И катер помчался так быстро, что снаряды опять не поспевали за ним и били по его следу. Сквозь узкий проход в скалах он вырвался из бухты и выскочил на простор моря.

НА РОДНОМ БЕРЕГУ

Грохот боя катера с подводной лодкой Макар Макарыч и Катя слышали, поднимаясь в темноте по узкой крутой тропинке. Гулкое эхо гор много раз повторяло каждый звук и разносило его по всему побережью. При каждом взрыве вспышка света озаряла горы до самых вершин, и небо над Макаром Макарычем и Катей непрерывно мерцало. Бешеное кружение прожекторов было похоже на пляску великанов.

Макар Макарыч понимал, что катер ворвался в бухту и что каждое мгновение ему грозит гибель. Больше всего он боялся, что грохот пальбы внезапно оборвется: это означало бы, что катер погиб. Но пальба, напротив, становилась все громче и чаще, все новые немецкие батареи подавали свой голос, даже те, которые были расположены совсем далеко от бухты. Лучи прожекторов покинули бухту и потянулись в открытое море. И Макар Макарыч повеселел: он понял, что катер выскочил из бухты и немцы бьют ему вдогонку наугад.

А тем временем Катя вела его все выше и выше. Луна была по ту сторону гор, и глубокая тьма окружала их. Катино темное платье, темные ее волосы были почти не видны, во мраке слегка белели только ее босые ноги. Эти ноги ступали быстро и уверенно, и Макар Макарыч не без труда поспевал за ними.

Иногда Катя вдруг останавливалась. Макар Макарыч останавливался тоже, думая, что она сбилась и потеряла дорогу. Но скоро он понял, что дорогу она знает отлично, а останавливается, чтобы попытаться разглядеть какое-нибудь особенно ей милое знакомое место.

Она была очень взволнована тем, что вот она снова на своем родном берегу, который так долго не видела.

— Если бы не было так темно, — шептала она, — я бы вам отсюда показала крышу нашего дома. Перед домом березка — она тоже видна отсюда. Это единственная березка здесь. Мой папа из Ярославской области, и когда он переехал сюда, на юг, ему очень не нравилось, что здесь нет берез. И он посадил одну березу перед нашим домом, и она выросла...

— А где сейчас твой отец?

— На фронте.

Тропинка становилась все круче и уже. Она вилась по крутому склону — правым плечом они все время задевали за камни, слева была почти отвесная пропасть. Чтобы не оступиться, Макар Макарыч старался ставить ноги на те самые места, где ступала Катя. Иногда звезды вверху внезапно исчезали, заслоненные незримыми скалами, нависшими над их головами. По тропинке этой, видимо, давно никто не ходил — во многих местах она почти совсем заросла кустами ежевики; длинные гибкие и колючие прутья лезли им в лица, их приходилось раздвигать руками.

Сначала Катя рассказывала главным образом о своем доме. Но чем выше они поднимались, тем чаще вспоминала она о пещере.

— Я открыла ее очень давно, когда мне было восемь лет, — рассказывала она Макару Макарычу. — Сначала я играла в хозяйство. В одном углу у меня была кухня, в другом — столовая. Я готовила моим куклам и кормила их. У меня там были вырезанные из газеты скатерти с фестончиками, и салфетки, и веник, и ведро — все, как у моей мамы. Но потом эта

игра мне надоела. Оттуда было видно море и проходившие мимо корабли, и я стала следить за кораблями. А потом превратила свою пещеру в крейсер...

Она торопилась, ей не терпелось войти в пещеру как можно скорее. Там, в пещере, такой знакомой, встретит их капитан-лейтенант, которого она никогда не видала... Ей хотелось представить себе капитан-лейтенанта.

— Какой он? Высокий? — спросила она Макара Макарыча.

— Высокий.

— Очень?

— Нет, не очень, — сказал Макар Макарыч.

— А он любит Маню?

— Ну, ясно. У него жена умерла, и Маня осталась за хозяйку. Только и семьи у него — Маня да мы.

— Вы? Кто — вы?

— Катерники.

Беспорядочная пальба немецких береговых батарей по катеру давно уже умолкла. Опять наступила тишина, и в этой тишине стал слышен слабый гул. Это, безусловно, тоже был гул пальбы, но очень отдаленной.

Макар Макарыч несколько раз останавливался и прислушивался.

— Слышишь? — спросил он.

— Это там, у нас за городом, — сказала Катя.

К постоянному ворчанию фронта она так привыкла, что перестала замечать его.

— Нет, не за городом, — сказал Макар Макарыч подумав. — Тут пальба за городом не слышна. Это здесь, за горами.

И, помолчав, прибавил:

— Все-таки странно... Здесь, за горами, как будто ничего не должно быть.

Но до пещеры было уже совсем недалеко. Катя его торопила, он сам торопился, и у него не было времени об этом раздумывать.

Перед входом в пещеру оказалась довольно большая ровная площадка, висевшая над пропастью. Это был скалистый уступ на склоне горы, благодаря которому огонь, горевший в пещере и хорошо видимый далеко в море, не был виден внизу, на побережье. Вход в пещеру был узок и невысок, но Макар Макарыч, взойдя на площадку, сразу заметил его, потому что оттуда струился красноватый свет. Катя шла впереди и направилась прямо к свету. Макар Макарыч не хотел, чтобы она вошла в пещеру первая, и очень заторопился. И вышло так, что они одновременно вбежали в пещеру.

В пещере у самого входа наткнулись они на кучу тлеющих углей. Недавно здесь пылал большой костер, но он успел догореть, и даже угли по краям уже темнели.

Пещера оказалась настолько просторной, что красный свет остывающих углей не мог озарить

ее всю. Макар Макарыч видел только низкий каменный свод над самым костром и две ближайшие стены. Далеко ли тянется пещера и что делается там, в темном ее конце, он не знал. Да он, признаться, и не задумывался над этим, его поразило другое: в пещере возле потухающего костра не было капитан-лейтенанта.

ВОДА НЕ УСПЕЛА ОСТЫТЬ

В пещере не было капитан-лейтенанта, и Макар Макарыч растерялся. Направляясь сюда, он так верил, что найдет здесь своего командира, так ясно представлял свою встречу с ним, что теперь, когда пещера оказалась пуста, он испытал такую боль, словно потерял его вновь. Ничто больше его здесь не занимало. Он присел перед костром на корточки, протянул над углями свои большие руки, похожие на клешни, и опустил голову.

Катя была потрясена еще больше. Она-то уж совсем не сомневалась, что Манин папа должен быть здесь, и, не видя его, не верила своим глазам. Не могла же она поверить, что все, совершенное ею за эту ночь: и разгадка таинственных слов раненого матроса, и бегство на Песчаную Косу, и белый ялик, и стремительное плавание на катере, и блуждание в темноте по захваченному немцами берегу — все зря, все ошибка.

— Нет, Макар Макарыч, он сейчас сюда придет, он только на минуточку вышел...

Она боялась лишь одного — как бы Макар Макарыч не увел ее отсюда сразу. Ведь это ее пещера, которую она так долго не видела. Вон на стене до сих пор висит ее морская карта — вырванная из школьного атласа карта Тихого океана. Кате она всегда нравилась, потому что на ней так много голубого и так мало зеленого — только вода, почти никакой суши. Она вся исчерчена карандашом от острова к острову — это следы Катиных морских путешествий на крейсере «Победитель»... А что это валяется там, под стеной? Это ее тряпичные куклы — матрос и негр. Какая жалость, они совсем развалились, их узнать нельзя! Тряпки сгнили, вылиняли; вата, которой были набиты их животы, вылезла наружу...

— Смотрите, Макар Макарыч, котелок!

Котелок с выгнутым боком, полный воды, стоял у стены. Макар Макарыч поднялся, подошел к котелку и нагнулся над ним.

— Это котелок Володи Казаченко, — сказал он уверенно. — У нас на катере один только Казаченко всюду таскал с собой котелок.

— И вода совсем горячая, — сказала Катя, сунув в воду палец. — Манин папа только что грел себе воду. Я говорила вам, что он где-то здесь, недалеко! Он сейчас придет... Смотрите, вот его фуражка!

Действительно, на земле лежала офицерская флотская фуражка, поблескивая золотой эмблемой с маленьким якорьком посередине. Макар Макарыч поднял ее, и лицо его засветилось от радости.

Он поднес фуражку к костру, чтобы лучше ее рассмотреть. Он любовно и внимательно вертел ее в руках. Но вдруг побледнел и отшатнулся от костра.

— Что с вами, Макар Макарыч?

— Он больше сюда не вернется... — сказал Макар Макарыч. — Видишь эту дырочку сбоку? Это след от пули. Видишь эти бурые пятна внутри? Это его кровь. Его убили перед самым

нашим приходом сюда. Мы с тобой опоздали на несколько минут. Вода в котелке еще не успела остыть...

БЕГИ!

Макар Макарыч забыл обо всем. Он помнил только, что убит его капитан-лейтенант, его командир, который даже отсюда, беспомощный, окруженный врагами, продолжал командовать своим катером. Он думал о капитан-лейтенанте, стоя над медленно остывающими углями, и по морщинистому лицу его, словно вырезанному из темного дерева, текли светлые капли.

Вдруг до него донесся легкий шорох. Он поднял голову. И услышал пронзительный крик Кати. И увидел четырех немцев, которые крадучись двигались к костру из глубины пещеры.

Макар Макарыч сорвал со своего пояса гранату и швырнул ее. Грохот взрыва гулко прокатился по пещере. Все четыре немца упали.

Макар Макарыч упал тоже и, схватив Катю за руку, повалил ее рядом с собой. Между ними и немцами были только остывающие угли костра. Макар Макарыч — ногами вперед, на животе — пополз к выходу из пещеры, волоча за собой Катю. Он старался как можно скорее скрыться в темноте. Он полз, не спуская глаз с немцев.

Немцы зашевелились — трое из них. Прижимаясь как можно плотнее к земле, они смотрели через потухающий костер, а один даже приподнял свою винтовку. Но Макар Макарыч и Катя были уже у самого входа, во мраке, и немцы, ослепленные блеском углей, не видели их.

— Беги к Большим Камням, — шепнул Макар Макарыч. — Я задержу их. У меня есть еще одна граната.

— Но... Макар Макарыч!

— Беги, тебе говорят! — прошептал Макар Макарыч свирепо.

Катя больше не спорила. Он услышал позади себя ее удаляющиеся шаги.

Немец, приподнявший винтовку, выстрелил, но наугад. Пуля ударилась о камень рядом с Макаром Макарычем.

Макар Макарыч вскочил и швырнул вторую гранату, последнюю. Когда раздался взрыв, он был уже на площадке перед пещерой. Он осмотрел ее, насколько позволяла темнота, и с радостью убедился, что Кати здесь нет.

Он не знал, что стало с немцами после второго взрыва. Быть может, они целы и сейчас кинутся за ним в погоню. И чтобы Катя успела уйти как можно дальше, Макар Макарыч не побежал вниз по тропинке, а полез прямо вверх по крутому склону через заросли ежевики.

БОЛЬШИЕ КАМНИ

Небо на востоке слегка побледнело. Еще сияли звезды, еще лунный серп был отчетлив и ярк, а уже еле приметный серовато-розовый отсвет ложился на волны, на камни, проникал

даже в угрюмое, загроможденное голыми утесами место, которое моряки называли Большими Камнями.

У подножия высокой горы, спускавшейся к самому морю, из воды торчали черные скалы, словно кинутые туда в беспорядке рукой великана.

Между этими скалами, каждая из которых величиной с дом, было множество извилистых проходов, трещин, ущелий, в которых всегда клокотали, бурлили и пенились волны. В одном из этих ущелий стоял катер «Морской охотник», скрытый скалами со всех сторон.

В конце ночи ветер вдруг утих, но волны были еще сильны и огромны. Они разбивались о скалы далеко от того места, где стоял катер, однако докатывались и сюда, и катер то взлетал, то падал. В катере, в маленькой своей каютке, перед маленьким зеркальцем сидел лейтенант Корольков и брился. Постороннему человеку было бы жутко смотреть, как он касался острой бритвой своего горла, когда его подбрасывало к потолку, швыряло то вправо, то влево. Но Корольков привык к качке, не замечал ее и умел бриться даже во время урагана.

Он брился, и из зеркальца на него весело глядели его глаза. Это было самое счастливое утро в его жизни. Он потопил немецкую подводную лодку и, бритый, подтянутый, сейчас будет рапортовать об этом своему командиру капитан-лейтенанту Снегиреву, которого вот-вот приведет сюда из пещеры боцман Макаров. Он подойдет к капитан-лейтенанту и скажет: «Товарищ капитан-лейтенант, ваше приказание выполнено». Капитан-лейтенант поднимет одну бровь и спросит: «Какое приказание, Корольков?» — «Вы зажгли огонь в пещере, — ответит Корольков, — и тем самым приказали мне ворваться в бухту и потопить неприятельскую подводную лодку. Подводная лодка потоплена».

«Что он мне на это скажет? — думал Корольков. — Он мне скажет: «Меньшего я от вас и не ждал, Корольков». Нет. Нет... «В этот час, — скажет он, — когда наши доблестные войска перешли в наступление и гонят проклятого врага, вы оправдали мое доверие, Корольков, и оказались на высоте положения». Нет, он не станет говорить так длинно, он просто скажет: «Спасибо, Корольков». Он всегда просто говорит спасибо, когда доволен. «Спасибо, Корольков».

После стольких дней сомнений, неуверенности, напрасного ожидания у Песчаной Косы дерзко ворваться в укрепленную бухту врага, потопить неприятельскую подводную лодку и услышать «спасибо» от своего капитан-лейтенанта! Разве это не счастье?

Корольков торопливо брился, готовясь к этой торжественной минуте. Он очень боялся, как бы капитан-лейтенант не явился раньше, чем он успеет добриться.

Побрившись, он с удовольствием вытер бритву и вышел на палубу.

«Светает, — подумал он. — Пора им вернуться».

Он прислушался. Сквозь шум волн услышал он тот же звук, который слышал Макар Макарыч, подходя к пещере: отдаленный гром орудий. И так же, как Макар Макарыч, заметил он, что гром этот раздается из-за гор — оттуда, где вчера было тихо.

«Наши ночью перешли в наступление и гонят немцев за горами!» — подумал он. И опять вспомнил о потопленной немецкой подводной лодке. Как удачно вышло, что он ее потопил! Оставаясь здесь, на фланге наших наступающих войск, она могла бы наделать много бед.

— Эй, на скале! — крикнул он. — Смотрите хорошенько!

На верхушке скалы, над катером, он выставил пост, который должен был предупредить его заранее о приближении капитан-лейтенанта.

— Есть смотреть хорошенько! — ответили со скалы.

— И слушайте!

— Есть слушать!

— Чуть услышите, доложите мне!

— Есть доложить!

На скале лежали кок и комендор. Они оба не отрываясь смотрели на берег, смутно различимый в сумерках. Белый ялик давно уже привели к Большим Камням и подняли на катер. Капитан-лейтенант, Макар Макарыч и Катя должны были прийти сюда по берегу.

— Гляди, там кто-то идет! — сказал комендор.

— Они? — спросил кок.

— Нет. Разве не видишь? Один человек.

— Один?

Кок вскинул свой автомат и прицелился.

— Оставь! — сказал комендор. — Это наш старый краб.

Теперь уж и кок ясно видел Макара Макарыча, который шел к ним, медленно перелезая со скалы на скалу.

— Почему ж он один?

— Не знаю...

— Надо доложить лейтенанту.

Но Корольков уже был рядом с ними на скале и все видел сам. Макар Макарыч шел неуверенно, словно пьяный, спотыкаясь и покачиваясь на каждом шагу. Иногда он останавливался и большой своей ладонью вытирал лоб. Потом снова упорно шел к катеру.

— Уж не ранен ли он? — сказал кок.

Тут Макар Макарыч вдруг сел на скалу и опустил голову в колени.

Прыгая с камня на камень, они побежали к нему все трое: Корольков, комендор и кок.

— Макар Макарыч! — сказал Корольков и положил руку ему на плечо.

Макар Макарыч поднял голову. Увидев Королькова, он начал медленно вставать на ноги.

— Сидите, сидите! — закричал на него Корольков. — Что с вами? Вы ранены?

— Нет, цел... — сказал Макар Макарыч. — Кружится и кружится...

— Что кружится?

— Все кружится... Море кружится, и берег кружится... Кружится и кружится...

Казалось, он не совсем ясно сознавал, что происходит и где он находится.

— Отчего ж это с вами, Макар Макарыч? — робко спросил кок.

— Оттого, что я спрыгнул с горы, — ответил Макар Макарыч. — Я покатился по склону и переворачивался, переворачивался, переворачивался... И теперь все кружится...

— Зачем же вы прыгали с горы?

— А чтобы они меня не поймали.

— Вас ловили? — спросил Корольков.

— Ловили.

— Кто?

— Немцы. Они гнались за мною, а я лез все выше и выше, стараясь завести их как можно дальше. Потом прыгнул с горы и покатился, покатился, покатился... Они меня потеряли, но с тех пор все кружится...

— Но вы были в пещере? Вы видели капитан-лейтенанта?

Лицо Макара Макарыча стало угрюмым.

— Ну, это вам уже известно... — сказал он.

Все были поражены таким странным ответом.

— Что это он говорит? — спросил кок шопотом. — Откуда нам может быть известно?

— Он путается, — тихонько сказал ему Корольков. — У него кружится голова.

Макар Макарыч вдруг засунул руку за пазуху и вытащил фуражку капитан-лейтенанта.

— Вот, — сказал он, протянув ее Королькову.

Корольков сразу заметил дырочку в фуражке и понял, что она означает. Нет, никогда не придется ему рапортовать капитан-лейтенанту, что подводная лодка потоплена! Он вытянулся и обнажил голову. Макар Макарыч встал и тоже обнажил голову. Тогда и комендор и кок догадались, что произошло. Долго стояли они вчетвером с обнаженными головами под медленно светлеющим небом, думая о своем погибшем командире.

— Что же было с вами дальше? — спросил наконец Корольков.

— Они хотели взять нас живьем, но я бросил гранату... — сказал Макар Макарыч. — Да ведь вы все знаете сами...

— Опять он говорит, что мы все знаем! — воскликнул кок, пораженный.

— Вы немножко путаетесь, Макаров, — сказал Корольков. — Но это ничего... Это оттого, что у вас кружится голова.

— У меня больше не кружится голова, — возразил Макар Макарыч.

— Отчего же вы тогда думаете, что мы все знаем?

— Оттого, что она вам все рассказала.

— Кто — она?

— Девочка, которая ходила со мной.

Он, очевидно, о чем-то стал догадываться по лицу Королькова, потому что вдруг воскликнул:

— Нет, нет, вы меня не пугайте! Я сделал все, чтобы дать ей время убежать! Немцы погнались за мной, и я целый час таскал их в темноте по кручам. А когда они стали меня настигать, я прыгнул вниз. Я катился, и камни катились вместе со мной и били меня, а я думал: «Ничего, ничего, старый краб, у тебя бока бронированные, а зато девочка давно на катере и лейтенант уложил ее спать...»

Он замолчал, со страхом глядя в лицо Королькову.

— Не было ее здесь, Макар Макарыч, — сказал Корольков. — Не приходила она сюда. Ее, конечно, схватили по дороге.

Стало совсем светло, и катер не мог больше оставаться у захваченного врагами берега. Корольков вывел его из угрюмых ущелий Больших Камней и повел в простор моря, навстречу восходящему из воды горячему солнцу.

Это было самое несчастное утро в его жизни.

ОТКРЫТИЕ

Что же стало с Катей?

Выскочив из пещеры, она побежала вниз по тропинке, как ей велел Макар Макарыч. Пробежав несколько шагов, она услышала взрыв второй гранаты. И остановилась.

Она была уверена, что Макар Макарыч побежит вслед за нею, и решила подождать его. Ей даже показалось, что она слышит шум шагов наверху, на площадке перед пещерой.

Но потом все стихло.

Она долго стояла, ожидая и прислушиваясь. Так долго, что у нее затекли ноги. Но ничего не было слышно, кроме треска кузнечиков в траве и отдаленного гула орудийной пальбы за горами. Макар Макарыч не появлялся.

Что случилось? Он убит? Или ранен? Или попал в плен? С каждым мгновением Катина тревога росла и росла. Она чувствовала, что не может уйти, не узнав, что с ним, не попытавшись ему помочь.

И наконец, не выдержав, она медленно двинулась назад, к пещере. Она шла осторожно, останавливаясь на каждом шагу и прислушиваясь. Но все было тихо по прежнему. Крадучись, прижимаясь к отвесному каменному склону горы, вышла она на площадку перед пещерой. На площадке никого не было. Из входа в пещеру все еще лился тусклый красноватый свет, теперь уже еле приметный.

Она долго не решалась заглянуть в пещеру. Небо стало слегка светлеть, и звезды сияли уже не так ярко. Она теперь смутно различала скалы и кручи, которые раньше были не видны. Приближение рассвета испугало ее: как пойдет она к катеру при дневном свете? Надо спешить. Она осторожно заглянула в пещеру.

Угли все еще тлели, но гораздо тусклее, чем раньше. Однако и при тусклом их свете она

сразу разглядела двух немцев, лежавших возле самого костра. Они лежали не двигаясь, странно раскинув руки и ноги. Они были мертвы.

Катя никогда не видела мертвых так близко, и ей стало жутко. Может быть, Макар Макарыч тоже лежит где-нибудь здесь, возле них, такой же неподвижный, и только свет до него не доходит? А может быть, он жив и лишь не в силах идти... Ни звука не доносилось из пещеры. И Катя вошла в нее.

Она жалась к стенке, стараясь держаться подальше от трупов. Здесь, возле входа, в освещенной части пещеры, Макара Макарыча не было. Нет ли его там, в темной глубине?

В глубине пещеры Катя не была никогда. Там даже в самые солнечные дни стоял вечный мрак, и она, играя, боялась отдаляться от входа. Но теперь нужно было войти в этот мрак.

Она нашла на полу несгоревший сук и сунула его в угли. Маленький желтый огонек пополз по суку. Держа горящий сук в вытянутой руке, она медленно двинулась в темную глубину пещеры.

Каменные стены постепенно сближались, потолок опускался. Катя оказалась в узком коридоре и уже думала, что пещера вот-вот кончится. Но коридор все тянулся, мало-помалу заворачивая влево. Оглядываясь, она уже не видела кучи углей у входа. Потом, к ее удивлению, стены снова стали расходиться в разные стороны. И внезапно она очутилась в большом подземном зале.

Зал этот был так просторен, что желтый огонек, дрожавший на конце сука, озарял только часть его. Стены и углы тонули во мраке. Здесь было сыро, зябко и жутко. Катю угнетала тишина: ни шелест ветра не доносился сюда снаружи, ни шум прибоя. И внезапно в этой жуткой, мертвой тишине Катя явственно услышала слабый, приглушенный стон.

Она вздрогнула. Бежать! Она пробежала несколько шагов. Но, пересилив себя, остановилась, дрожа.

Стон повторился, слабый, мучительный. Стонал кто-то совсем близко, вон тут, в темноте. И Катя, высоко подняв свой догорающий факел, осторожно двинулась туда, откуда доносился стон.

Человек лежал на земле, возле каменной стены. Он лежал к Кате спиной, лицом к стене. Все тело его было обмотано толстой веревкой. Катя подошла и нагнулась над ним.

Это был моряк, офицер — пуговицы его кителя блестели. Лицо незнакомое, не очень молодое, заросшее бородой. В широко раскрытый рот его было что-то засунуто, какая-то тряпка. Он не мог произнести ни звука, и только глаза его искоса внимательно глядели на Катю.

Он напрягался всем телом, стараясь порвать веревку, которая, видимо, мучила его. Катя нагнулась и дотронулась до веревки огоньком своего сука. Веревка загорелась и вдруг лопнула.

Моряк опять напрягся всем телом, и веревка — вся целиком — сползла с него. Он медленно приподнялся, сел и прислонился к стене. Потом он вытащил изо рта длинный шерстяной шарф. И с наслаждением щелкнул зубами.

— Кто вы? — спросила Катя.

Он ничего не ответил. Он, видимо, еще не в силах был говорить. Но Кате и не нужен был его ответ. Она и без того знала, что это Манин папа.

Сук, который она держала в руках, догорел и погас. Они были в полной тьме.

КАТЕР УШЕЛ

— Вы можете идти?

— Могу.

Капитан-лейтенант Снегирев поднялся, оперся о Катино плечо и, хромая, побрел вслед за ней в темноте к далекому выходу из пещеры.

Они уже успели рассказать друг другу все. Катя теперь знала, как во время десанта капитан-лейтенант был ранен в ногу и в голову и не мог вернуться на катер; как матрос Казаченко самоотверженно остался с ним и отвел его в эту пещеру, которую они нашли случайно; как они убили одичалого барана, убежавшего в горы из сожженной немцами деревни, и как они жарили его мясо на костре; как капитан-лейтенант послал Казаченко передать Королькову, где скрывается немецкая подводная лодка, и как за несколько минут до появления Макара Макарыча и Кати на капитан-лейтенанта напали четыре немца, обезоружили его, связали, заткнули ему рот и утащили в самый дальний конец пещеры.

Катя рассказала ему все, что знала о Мане.

— Ты говоришь, команда катера заботилась о ней и кормила ее? — спросил он.

— Я сама видела, как Макар Макарыч принес ей большой кулек, — сказала Катя.

Они шли очень медленно, потому что капитан-лейтенант еще плохо владел своей раненой ногой.

— Рана на голове была у меня пустяшная, — сказал он. — Пуля только пробила фуражку и слегка меня поцарапала. А нога болит до сих пор.

Он часто останавливался и отдыхал, но не оттого, что у него болела нога, а оттого, что тело его затекло от веревок. Постепенно шаги его становились тверже, увереннее.

Наконец за поворотом увидели они выход из пещеры. Там, снаружи, уже совсем рассвело. Дневной свет озарял всю переднюю часть пещеры. Угли остыли и теперь лежали черной кучей. Возле них валялись два убитых немца. Катя боязливо старалась держаться от трупов подальше, но капитан-лейтенант подвел ее к ним, нагнулся и взял у одного мертвого немца винтовку, у другого — револьвер.

Потом они вышли на площадку перед пещерой. Солнце еще не встало, но его лучи, как огненные стрелы, торчали из-за горизонта. Здесь, при ярком свете, капитан-лейтенант стал внимательно разглядывать Катю. Он даже взял ее за плечи и несколько раз повернул из стороны в сторону, чтобы лучше рассмотреть.

Он глядел на нее с удивлением, как на какое-то чудо.

— Хм, — сказал он, — девочка как девочка... Откуда берутся у нас такие девочки?

Катя смутилась. Ей не нравилось, когда ее так внимательно разглядывали. Но капитан-лейтенант вдруг, казалось, забыл о ней. Приподняв лицо, он стал прислушиваться к грохоту пальбы, доносившемуся из-за гор.

— Слышишь? — спросил он. — Вечером этого не было. Знаешь, что это значит? Наши прорвали фронт и гонят немцев за горами!

Он засмеялся. Потом подошел к краю площадки и посмотрел вниз.

— Гляди! — крикнул он.

Внизу, прямо под площадкой, было море. Но справа видна была часть побережья и большая дорога, тянувшаяся вдоль него. Вся эта дорога была забита грузовиками, орудиями, танками, колоннами солдат в серо-зеленых шинелях, нестройно, поспешно двигавшимися на запад.

— Немцы уходят с побережья! — сказал капитан-лейтенант. — Они боятся, что их отрежут, и уходят!

Помолчав, он прибавил:

— И нам с тобой надо бы уйти отсюда. Они теперь знают нашу пещеру и напоследок могут заглянуть сюда.

— Вам трудно идти, — сказала Катя, — но я вам помогу. Опирайтесь покрепче на мое плечо, и мы как-нибудь через сады и заросли доберемся до катера.

— До катера? — усмехнулся он. — Вон где наш катер!

Огромный шар солнца вставал из-за моря. И катер, подсакивая на волнах, неся прямо к нему, уменьшаясь.

НА ВЕРАНДЕ

Утром город проснулся, охваченный необычайной тишиной.

Конечно, это была не полная тишина. Трещали кузнечики, пели птицы, лаяли собаки, блеяли овцы на холмах, гудели, проносясь, автомобили. Но жителям города казалось, что так тихо, будто город опустили на дно моря. Непрерывный гул фронта умолк. Немцев отогнали от города, и они бежали на запад.

— Хорошо! — говорила Марья Васильевна, Лидина мама. — Даже солнечный свет сегодня какой-то особенный. Но непривычно. Я так привыкла к страху, что даже перестала замечать, боюсь я на самом деле или не боюсь. И вдруг тишина, и никто не стреляет, и никого не надо бояться...

Матросу Казаченко в это утро стало лучше, и он очнулся. Доктор прислал за ним двух санитаров с носилками, которые перенесли его в госпиталь. Лейтенант Корольков зашел туда навестить его и долго с ним беседовал. Казаченко рассказал Королькову о своей жизни в пещере вместе с капитан-лейтенантом. Корольков рассказал ему, как они потопили подводную лодку и как весь экипаж катера получил благодарность командования. Но ни о путешествии Макара Макарыча в пещеру, ни о пробитой офицерской фуражке Корольков не сказал ему ни слова — Казаченко был еще слаб, и доктор запретил его волновать.

А Марья Васильевна, взяв Лиду и Петю, с утра отправилась к Мане, в дом капитан-лейтенанта. И случилось это оттого, что Лида не выдержала и все рассказала матери.

— Я все-таки удивляюсь тебе, Лида, — сказала Марья Васильевна. — Ты тоже заразилась этой любовью к тайнам. Ну как можно было не сказать мне сразу, что тут живет девочка — совсем одна! Где это видано, чтобы девочка жила одна, да еще в такое страшное время, да еще круглая сирота, хотя она, бедная, об этом и не знает. Если бы ты сразу мне все рассказала, я давно бы к ней пошла.

В домике капитан-лейтенанта она прежде всего завладела кухней, стала готовить обед. Потом принялась мыть полы, с грохотом передвигая столы и стулья.

Она мыла пол на веранде, когда в сад вошел Макар Макарыч. Лида сидела на крыльце и штопала чулок. Петя с рогаткой бегал по саду.

Макар Макарыч был хмур и расстроен до крайности. Лейтенант Корольков дал ему очень тяжелое поручение: он должен был сказать Мане всю правду о гибели ее отца.

Лиду он сразу узнал и поздоровался с ней.

— А это моя мама, — сказала Лида.

Он спросил Марью Васильевну, где Маня.

— Маня в комнате.

Но у него не хватило смелости сразу идти к Мане, и он все медлил на веранде. Он рассказал Марье Васильевне, какое поручение дал ему Корольков.

— А нельзя ей потом сказать? Не сегодня? — спросила Марья Васильевна.

Она выпрямилась с тряпкой в руке и откинула рукавом волосы, упавшие на лицо.

— В том-то и беда, что нельзя, — сказал Макар Макарыч.

— Почему?

— Потому, что немцы бегут, и нам здесь нечего больше делать. Сегодня вечером наш катер уходит далеко на запад. А без нас здесь Маню оставить невозможно. Лейтенант Корольков хочет, чтобы она сегодня же уехала в Баку, к своей тете.

— Она мне говорила, что никогда не видела этой тети, — сказала Лида.

— Да, еще неизвестно, как тетя ее встретит, — проговорил Макар Макарыч угрюмо. — Тети разные бывают... Вот если бы у меня был свой дом, жена, дети... Но я старый краб, жесткий, как ржавое железо, и нет у меня никого...

Он пересилил себя и пошел в комнаты. Когда дверь за ним закрылась, Марья Васильевна несколько раз в волнении прошла по веранде. Потом она снова стала мыть пол, но поминутно останавливалась и прислушивалась к тому, что происходит за дверью. Она слышала голоса Макара Макарыча и Мани. Голос Мани был спокойный и даже веселый.

«Нет, он, видно, еще ей не сказал, — думала Марья Васильевна. — Когда же он ей скажет?»

Она ждала долго, очень долго. И вот наконец дверь открылась, и Макар Макарыч вышел на веранду.

— Ну? — спросила Марья Васильевна.

— Не могу! — проговорил Макар Макарыч. — Пойду доложу лейтенанту, что не могу.

— Не сказали?

— Сорок раз собирался сказать — и не сказал. Смелости не хватает.

— А она сама... не догадывается?

— Не знаю, — ответил Макар Макарыч, подумав. — Иной раз она так грустно взглянет, будто ей все известно. А потом опять весела. Не знаю...

Помолчав, он внезапно спросил Лиду:

— Она сегодня папиросы набивала?

— Набивала, — сказала Лида.

— Ну, значит все еще ждет.

Он пошел к калитке. Пройдя несколько шагов, остановился и проговорил:

— И все-таки ей придется ехать к тете.

— Ни к какой тете она не поедет! — сказала Марья Васильевна.

— Не поедет? — удивился Макар Макарыч. — Но не может же она жить одна в этом городе, в пустом доме!

— Она не будет жить одна в этом городе и не будет жить в пустом доме, — сказала Марья Васильевна.

— Где же она будет жить? — спросил Макар Макарыч.

— У меня.

— У вас?

— Конечно. Это решено уже давным-давно... Правда, Лида?

Лида с удивлением посмотрела на мать. Она в первый раз слышала о желании Марьи Васильевны взять Маню к себе.

— Ах да, я, кажется, забыла тебе об этом сказать, — продолжала Марья Васильевна. — Но я знаю, ты будешь очень рада. И муж мой, когда вернется с фронта, тоже будет рад...

— Вы очень хорошая женщина, — сказал вдруг Макар Макарыч. — И я доложу об этом лейтенанту.

Он ушел, Марья Васильевна убежала на кухню, и Лида осталась одна. Ее мучила тоска. Этот день, такой счастливый для всего города, был для нее днем горя. Она уже знала, что Катя не вернулась с берега, захваченного немцами.

Лида сидела на крылечке в тени виноградных листьев, спиной к веранде, и штопала чулок. Ей никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось говорить. Но отсюда, с крылечка, она нечаянно расслышала, как Маня разговаривает со своим плюшевым мишкой.

Маня вышла на веранду и не заметила Лиды.

— Все глядят на меня так грустно, Миша, и разговаривают со мной так ласково, словно я больная, — сказала она мишке, по прежнему сидевшему в соломенном кресле. — А Макар

Макарыч даже насмешил меня: начнет говорить, взглянет, замолчит и вздохнет. Начинал что-то про Баку да про тетю... Как будто мне не все равно, ехать к тете или не ехать, если... Ты сам знаешь, если что, Миша... Он думал, я не знаю, что он хочет сказать... Да я все сразу по глазам его отгадала. Они больше не ждут моего папу и боятся мне сказать. Они думают, я тоже поверю и перестану ждать. А я... Ты помнишь, Миша, ту девочку, Катю? Она сказала мне: «Жди, твой папа вернется». Хотела бы я теперь повидать эту Катю! Мне кажется, Миша, что и теперь она все-таки сказала бы: «Жди».

— Она сказала бы: «Жди», — проговорила Лида.

Тут только Маня заметила ее.

— Ах, это ты здесь! — воскликнула она. — Ты ведь хорошо знаешь Катю?

Она вошла на крыльцо и села рядом с Лидой.

— Да, я хорошо ее знаю, — сказала Лида.

— Правда, она удивительная девочка?

— Да, удивительная.

— Я очень хочу с ней подружиться, — сказала Маня. — Мы будем дружить втроем — ты, я и Катя. Макар Макарыч говорил, что Катя вместе с ним была на том берегу и они вдвоем искали там моего папу. Правда это?

— Он ничего больше тебе про Катю не говорил? — спросила Лида.

— Больше ничего. А ты еще что-нибудь знаешь?

В эту минуту на кухне раздался голос Марьи Васильевны:

— Маня!

— Иди, иди, моя мама зовет тебя обедать, — сказала Лида поспешно.

— Ты что-то знаешь про Катю, — сказала Маня встревоженно. — Что с ней случилось?

— Манечка! — крикнула Марья Васильевна.

— Иди! — повторила Лида. — Мама обидится, если ты не пойдешь.

И Маня ушла.

Тоска мучила Лиду. Бедная Катя!.. Не выдержав, Лида встала, отложила чулок и пошла по улицам — побродить...

Веранда надолго опустела. Только Петя изредка пробежал мимо, крича: «В атаку!» и стреляя из рогатки.

Потом калитка отворилась, и в сад вошли Корольков и Макар Макарыч.

— Нет, нет, Макаров, так нельзя, — говорил Корольков. — Мы не можем уехать, не доведя этого дела до конца. Мы всем обязаны капитан-лейтенанту, и его дочь должна быть устроена. Я охотно верю, что Марья Васильевна очень, хорошая женщина. Но прежде всего нужно спросить Маню, где она сама хочет жить. А чтобы спросить ее, ей надо все рассказать.

Он решительно зашагал к веранде.

— Я понимаю, как это трудно, — продолжал он, — но тут нужна твердость!

— Есть твердость, товарищ лейтенант! — сказал Макар Макарыч.

Они поднялись по ступенькам.

— Если вы не можете, я сам ей скажу, — объявил Корольков. — Где она?

— В комнате, наверно.

Корольков подошел к двери и хотел постучать. Но перед дверью помедлил, переступая с ноги на ногу.

— Все-таки страшно, Макар Макарыч! — сказал он.

— Очень страшно, товарищ лейтенант, — сказал Макар Макарыч.

ПОБЕДА

Как повеселели улицы города со вчерашнего дня! Конечно, развалины домов торчали всюду попрежнему. Но народу сразу стало гораздо больше — все вышли на улицу, все гуляли. На лавочках возле ворот сидели старые женщины, как до войны. Оказалось, что и детей в городе не так уж мало. По Главной улице провезли захваченные у немцев танки с черными крестами, и за ними бежала целая стая мальчишек. Все рассказывали об огромном сражении, которое началось ночью возле города, о прорыве фронта, о том, что немцев отогнали уже на шестьдесят километров. Много говорили и об удивительном подвиге маленького катера «Морской охотник», который ворвался в укрепленную немцами бухту и потопил подводную лодку. И при этом передавали такие подробности, словно видели все своими глазами.

Лида шла по улицам и старалась ни на что не смотреть. Если бы с нею была Катя, как радовались бы они обе сейчас! Но Кати нет, она ее не встретит ни вон за тем углом, ни за этим.

Незаметно дошла она до большого сапога на разрушенном домике Дракондиди. Она оглянулась, чтобы поглядеть, не смотрит ли на нее кто-нибудь, — так требовала Катя, — и вошла в дверь. Как всегда, испугнутая ею птичка вылетела в пролом крыши. Лида вошла в сад, такой знакомый, полный веселого солнечного света, и пошла, раздвигая листья руками.

Этот сад они с Катей считали своим. Здесь встречались они каждый день, здесь каждый уголок, каждый камень был родным для них. Лиде казалось, что вот-вот раздвинется листва и она увидит Катю, тоненькую, черненькую, с блестящими глазами. Но Кати здесь не было и никогда уже больше не будет.

Лида вышла на улицу и, почти ничего не видя, потому что глаза ее были полны слез, пошла назад, к домику Мани. У калитки она остановилась и взглянула через ограду на веранду. И чуть не упала от неожиданности.

На веранде стоял высокий морской офицер и рядом с ним — Катя!

Лида хотела закричать, но у нее пропал голос; хотела побежать, но ноги не слушались ее.

— Вы не забыли, что вы мне обещали? — слышала она Катин голос. — Вы сядете в свое кресло, на то место, где вы всегда сидели, и будете сидеть с самым спокойным видом, будто

никогда и не уезжали.

— А мне, признаться, так и хочется крикнуть во все горло: «Маня!» — сказал офицер.

— Что вы! Что вы! Катя испуганно замахала на него руками. — Вы мне все испортите!

— Ну-ну, я пошутил, — сказал офицер. — Я никогда не нарушаю своих обещаний. Раз обещано, значит обещано.

Тут Лида наконец справилась со своими ногами. Она распахнула калитку, вбежала в сад и хотела уже было крикнуть: «Катя!» Но Катя заметила ее и приложила палец к губам. И Лида не крикнула.

— Тише, Лидочка, милая, тише! — зашептала Катя, кидаясь к ней навстречу и обнимая ее. — Вот этот офицер... Но это все пока тайна. Мы перешли с ним через горы и вышли прямо к нашим наступающим войскам... Молчи! Если ты крикнешь, ты мне все испортишь! Я так замечательно придумала! Пускай никто-никто ничего не знает. Вот мы их удивим!

В эту минуту дверь на веранду отворилась, и на пороге появился Корольков. Он стоял к веранде спиной и разговаривал с Маней, которая была там, перед ним, в комнате.

— Мне пора уходить... — говорил он запинаясь. — Но перед уходом я обязан сказать тебе... я должен сказать тебе... что наш любимый командир... что твой отец...

— Папочка вернулся!

Это крикнула Маня. Она увидела через дверь сидящего в кресле офицера, кинулась к нему, прижалась к его плечу.

Корольков обернулся. Лицо его засияло от удивления, и радости. Он онемел и застыл. Рядом с ним стояли Макар Макарыч и Марья Васильевна, тоже онемевшие и застывшие.

Однако уже через мгновение Корольков очнулся. Он твердым шагом подошел к Маниному папе, приложил руку к козырьку своей фуражки и сказал:

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите доложить: ваше приказание выполнено, подводная лодка потоплена.

Манин папа поднялся с кресла:

— Спасибо, Корольков!

Он взял Королькова за плечи, притянул к себе и поцеловал.

Катя шепотом сказала Мане:

— Вот видишь, я обещала тебе найти твоего папу и нашла его!

— Ты самая хорошая девочка на свете! — воскликнула Маня.

Манин папа положил руку на Катину голову.

— У нее только один недостаток, — сказал он. Она слишком любит тайны.